

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ФОНД
АНТОНИНА КАПУСТИНА

РУССКОЕ ПОДВОРЬЕ

Nikolay Lisovoi

SERGIEVSKY HOSPICE

ITS FATE, HISTORY,
PROSPECTS

THE ANTONIN KAPUSTIN FUND
MOSCOW — JERUSALEM
2017

Николай Лисовой

СЕРГИЕВСКОЕ ПОДВОРЬЕ

СУДЬБА, ИСТОРИЯ,
ПЕРСПЕКТИВЫ

ФОНД АНТОНИНА КАПУСТИНА
МОСКВА — ИЕРУСАЛИМ
2017

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
СЕРГЕЯ СТЕПАШИНА

INTRODUCTION BY
THE CHAIRMAN OF THE IMPERIAL
ORTHODOX PALESTINIAN SOCIETY
SERGEI STEPASHIN

Дорогой читатель! Книга, которая находится в Ваших руках, посвящена истории Сергиевского подворья в Иерусалиме и представляет собой интересную научную монографию о русском присутствии в Святой Земле, которая во многом связана с выдающейся деятельностью Императорского Православного Палестинского Общества в Библейском регионе.

В 2017 году наше Общество отмечает несколько знаменательных дат: 135-летие ИППО, 160-летие великого князя Сергия Александровича, 200-летие архимандрита Антонина (Капустина) и 170-летие Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Поэтому особенно знаменательно, что в этот юбилейный год произошло историческое событие — открытие Сергиевского подворья в Иерусалиме. Именно к этому событию известный российский учёный и историк, заместитель Председателя ИППО Н.Н. Лисовой написал прекрасную монографию «Сергиевское подворье. Судьба, история, перспективы», которую издал Научно-издательский центр «Индрик» при финансовой поддержке Директора ИППО в государстве Израиль И.Р. Ашурбейли.

В книге представлена история приобретения земельного участка в Иерусалиме и строительства на нём в 1886–1889 годах Сергиевского подворья. Эта уникальная история неразрывно связана с именами великого князя Сергия Александровича, архимандрита Антонина (Капустина), Д.Д. Смышляева, В.Н. Хитрово, М.П. Степанова, Г. Франгя. Автор монографии подробно описал, как использовалось Сергиевское подворье Палестинским Обществом для нужд русских православных паломников до 1914 года. Н.Н. Лисовой уделил особое внимание причинам, по которым права собственности на подворье были юридически оформлены на великого князя Сергия Александровича. Как известно, Сергиевское подворье, как и другие объекты ИППО, в 1914 году было закрыто и перестало использоваться по своему прямому назначению.

Dear reader! The book, which is in Your hands, dedicated to the history of the Sergievsky hospice in Jerusalem and is an interesting scientific monograph about the Russian presence in the Holy Land, which is largely due to the outstanding work of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the Biblical region.

In 2017, our Society observes several significant dates: the 135th anniversary of the IOPS, the 160th anniversary of the Grand Duke Sergius Alexandrovich, the 200th anniversary of archimandrite Antonin (Kapustin) and the 170th anniversary of the Russian Orthodox Mission in Jerusalem. It is therefore particularly significant that in this anniversary year, saw a historic event — the opening of the Sergius hospice in Jerusalem. It is to this remarkable event known Russian scientist and historian, Deputy Chairman of the IOPS N.N. Lisovoy wrote an excellent monograph “Sergievsky hospice. Its fate, history, prospects”, which was published by Scientific publishing center “Indrik” with financial support of the Vice-President of our Society of I.R. Ashurbeyli.

The book presents the history of the acquisition of land in Jerusalem and the construction on it in 1886–1889 Sergievsky hospice. This unique story is inextricably linked with the names of the Grand Duke Sergius Alexandrovich, archimandrite Antonin (Kapustin), D.D. Smyshlyaev, V.N. Khitrovo, M.P. Stepanov, G. Frangia. The author of the book described in detail as used Sergievsky hospice Palestinian Society for the needs of Russian Orthodox pilgrims to 1914. N.N. Lisovoy paid special attention to the reasons why the ownership of a farmstead was legally the Grand Duke Sergius Alexandrovich. As you know, the Sergiusmetochion, as well as other objects of IOPS, in 1914 it was closed and ceased to be used for its intended purpose.

Автор скрупулёзно описал все трудности и сложности, связанные с историей борьбы нашего Общества в XX столетии за возвращение подворья России, эта борьба продолжилась и в XXI веке. Много сил было потрачено нашим Обществом, Министерством иностранных дел РФ и Администрацией Президента России на решение разнообразных проблем и вопросов, связанных с возвращением Сергиевского подворья в российскую собственность. Поворотным моментом в этом длительном и сложном процессе стал вклад в решение этой проблемы, сделанный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, во время его исторического визита в Израиль в 2005 году.

Официальная передача России Сергиевского подворья в Иерусалиме состоялась 28 декабря 2008 года. Таким образом, шесть десятилетий, если считать с даты образования Государства Израиль, потребовалось для того, чтобы принять официальное решение и юридически правильно оформить передачу подворья в собственность Российской Федерации.

Возвращение Сергиевского подворья России стало символом современного русского присутствия на Святой Земле, знаковым событием в деле возрождения традиций и продолжения деятельности ИППО в Иерусалиме, которую оно начало осуществлять 135 лет назад. Убеждён, что мы сможем вдохнуть новую жизнь в старинные стены подворья, которые являются безмолвными свидетелями паломнического подвига десятков тысяч русских богомольцев, приходивших в XIX–XX веках в Святой Град поклониться Гробу Господню.

Императорское Православное Палестинское Общество продолжает свою научно-просветительскую и гуманитарную деятельность на Ближнем Востоке, поддерживает многострадальное христианское население Библейского региона и стремится сохранить мир на земле, по которой ходил Иисус Христос.

Искренне благодарю всех членов Общества, государственных и общественных деятелей, дипломатов и юристов, которые на протяжении многих лет вели работу по возвращению Сергиевского подворья в Иерусалиме в российскую собственность, а также занимались его восстановлением!

Сергей Степашин

The author meticulously described all the difficulties and complexities associated with the history of the struggle of our Society in the twentieth century for the return of a farmstead of Russia, this struggle has continued into the twenty-first century. A lot of effort has been spent by our Society, the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation and Presidential Administration of Russia in solving the numerous problems and issues associated with the return of the Sergiusmetochion in the Russian property. The turning point in this long and complex process was the contribution to this problem made by the President of the Russian Federation Vladimir Putin, during his historic visit to Israel in 2005.

The official transfer of the Sergievsky hospice in Jerusalem took place on 28 December 2008. Thus, six decades if you count from the date of the State of Israel was required to take a formal decision legally and properly execute the transfer of a farmstead to the property of the Russian Federation.

The return of the Sergievsky hospice Russia became a symbol of modern Russian presence in the Holy Land, a landmark event in the revival of traditions and the continuation of the activities of the IOPS in Jerusalem, which he started 135 years ago. I am convinced that we will be able to breathe new life into the historic walls of the ancient monastery, which are the silent witnesses of pilgrim heroism of tens of thousands of Russian pilgrims who came in the XIX–XX centuries in the Holy City to worship the Holy Sepulcher.

The Imperial Orthodox Palestine Society continued its scientific-educational and humanitarian activity in the Middle East, supports the long-suffering Christian population of the Biblical region and strives to keep the peace on earth that went to Jesus Christ.

I sincerely thank all members of the Society, state and public figures, diplomats and lawyers, who for many years worked for the return of the Sergiusmetochion in Jerusalem in the Russian property and engaged in its restoration!

Sergei Stepashin

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ
ДИРЕКТОРА ИППО
В ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ
ИГОРЯ АШУРБЕЙЛИ

INTRODUCTION BY
THE HEAD OF IPPO IN JERUSALEM
IGOR ASHURBEYLI

Сергиевское подворье в Иерусалиме давно стало символом Императорского Православного Палестинского Общества. Носящее имя основателя и первого председателя Палестинского Общества великого князя Сергея Александровича, подворье вместило в свою историю судьбу не только построившего его Общества и всего многогранного русского наследия в Святой Земле, но и императорской России.

Расположенное в центре Иерусалима, по соседству с Русской Духовной Миссией и Троицким собором, Сергиевское подворье по праву считается одним из выдающихся архитектурно-строительных объектов города. Его строгий изящный силуэт с круглой угловой башней стал своеобразной архитектурной визитной карточкой Святого Града. Поднятый на башне флаг, подобно консульским флагам, свидетельствовал о присутствии России в Святой Земле. Даже когда флаг на башне исчез на долгие десятилетия, а в самом здании не осталось ни одного российского представителя — знак ИППО на фасаде, сделанный из розового иерусалимского камня, служил молчаливым напоминанием о том, что его настоящий хозяин обязательно вернется.

В декабре 2008 г. состоялся исторический акт подписания документа о возвращении России Сергиевского подворья в Иерусалиме, — крупнейшего из объектов российской недвижимости на Ближнем Востоке. Общество вернулось в Иерусалим в свой собственный дом, над которым вновь развевается в праздничные дни «палестинский флаг» — знамя Императорского Православного Палестинского Общества.

Сегодня мы перелистываем славную страницу прошлого и начинаем новую историю Сергиевского подворья, которая станет отражением деятельности всего ИППО в реалиях нашего времени.

Игорь Ашурбейли

The Sergievsky Hospice in Jerusalem has got the status of a symbol of the Imperial Orthodox Palestine Society for long. It got the name from its founder and the first Chairman of the Palestine Society, Grand Duke Sergey Alexandrovich; the destiny of the hospice shared not only the historical way of the Society itself, but of all versatile Russian heritage in the Holy Land and that one of the Imperial Russia.

Settled in the centre of Jerusalem, aside the Russian Spiritual Mission, and the Holy Trinity Cathedral, the Sergievsky Hospice by right is estimated as one of the outstanding architectural objects of the whole city. Its austere and elegant outline with a round corner tower became a certain architectural image of the Holy City. The flag over the tower — as consular flags — manifested a presence of Russia in the Holy Land. Even in the long decades, when the flag was not over the tower, and there were no Russian representatives in the building, the sign of the Imperial Orthodox Palestine Society made of pink Jerusalem stone stayed as a silent reminder of the future return of real owner.

In December 2008, a historical act of signing the document on returning the Sergievsky Hospice to Russia — the largest object of Russian real estate at the Near East — took place. The Society came back to Jerusalem, to its own home, and on festival days ‘the Palestinian flag’ — the standard of the Imperial Orthodox Palestine Society flutters over the tower.

Nowadays, we leaf over a glorious page of the past and start the new history of the Sergievsky Hospice, which is to be a reflection of the activity of the Palestine Society in contemporary realities of our epoch.

Igor Ashurbeyli

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ
АКАДЕМИКА РАН,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ
РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА
ПРОФЕССОРА С.П. КАРПОВА

INTRODUCTION BY THE
ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES
PROFESSOR S.P. KARPOV

Восстановление русского научного и культурного присутствия на Святой Земле — важная реальность современной истории. Это не только акт исторической справедливости, но и стимул развития, обретение одной из важнейших составляющих нашей духовности в ее неразрывной связи с Землей Обетованной, с градом Иерусалимом, со времен раннего средневековья почитаемым как центр всего «круга земного». Императорское Православное Палестинское Общество, созданное в 1882 г., наряду с Русским археологическим институтом в Константинополе (РАИК), основанным в 1894 г., — два детища державной воли императора Александра III, ясно осознававшего огромное значение бесценного культурного богатства православного Востока для России. Это осознание было подготовлено трудами нескольких поколений ученых и ревнителей, внесших свой вклад и в мировую науку. Имена епископа Порфирия Успенского, В.Н. Хитрово, Н.П. Кондакова, Д.В. Айналова, Ф.И. Успенского, А.А. Васильева, В.Н. Бенешевича, И.В. Помяловского, А.А. Дмитриевского и многих других, трудившихся в этих двух центрах духовного просвещения, стали знаковыми для исследователей истории христианства, византийской цивилизации, связей Руси и России с Ближним Востоком. Сергиевское подворье, истории которого посвящена эта книга, было не только местом православного паломничества, но и средоточием гуманитарно-просветительской деятельности в Палестине. История подворья, и это важно отметить, написана Н.Н. Лисовым с привлечением ценных архивных источников, открытие многих из которых принадлежит автору. Сейчас появилась возможность возобновить научно-просветительскую деятельность в стенах подворья. Важная роль в этом может принадлежать ИППО и воссозданному в 2008 г. Русскому историческому институту, преемнику РАИК, опирающемуся на поддержку его соучредителей — РПЦ, РАН, ИППО, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сергей Карпов

The reinstatement of the Russian scientific and cultural presence in the Holy Land is an important reality of modern history. This is not only an act of historical justice, it is also an impetus for development, finding one of the most important component of our spirituality in its inseparable connection with the Promised Land, with the city of Jerusalem, since the early Middle Ages regarded as the very center of the “circle of the earth”. The Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS), established in 1882, along with the Russian Archaeological Institute in Constantinople (RAIK), founded in 1894, are two offsprings of the will of the Emperor Alexander III, who clearly realized the enormous value of the invaluable cultural wealth of the Orthodox East for Russia. This awareness was prepared by the works of several generations of scientists and zealots who contributed to the world science. The names of Bishop Porfiry Uspensky, V.N. Khitrovo, N.P. Kondakov, D.V. Ainalov, F.I. Uspensky, A.A. Vassilyev, V.N. Beneshevich, I.V. Pomyalovsky, A.A. Dmitrievsky and many others who worked in these two centers of spiritual enlightenment became famous for researchers of the history of Christianity, of Byzantine civilization, of the ties between Rus', Russia and the Middle East. Sergievskopodvorye (residence and metochion), the history of which is described in this book — was not only the place of Orthodox pilgrimage, but also the center of Russian humanitarian and educational activities in Palestine. The history of the podvorye, written by N.N. Lisovoy (what is important to note) is based on valuable archive sources. The discovery of many documents belongs to the author. Now there is an opportunity to resume scientific and educational activities within the precincts of the podvorye. An important role in this may belong to the IOPS and the Russian Historical Institute, the successor to RAIK, re-established in 2008, based on the support of its co-sponsors — the Russian Orthodox Church, the Russian Academy of Sciences, the IOPS, the Lomonosov Moscow University.

Sergei Karpov

Nikolay Lisovoi

Николай Лисовой

SERGIEVSKY HOSPICE

ITS FATE, HISTORY, PROSPECTS

СЕРГИЕВСКОЕ ПОДВОРЬЕ

СУДЬБА, ИСТОРИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Императорское Православное Палестинское Общество — старейшая в России научная и благотворительная неправительственная организация, уникальная по своему значению в истории национальной культуры, русского востоковедения, русско-ближневосточных отношений. Уставные задачи Общества — содействие паломничеству в Святую Землю, научное палестиноведение и гуманитарно-просветительное сотрудничество с народами стран библейского региона — тесно связаны с традиционными духовными ценностями нашего народа и приоритетами российской внешней политики. Равным образом и огромный пласт мировой истории и культуры не может быть правильно осмыслен и творчески освоен вне связи с Палестиной, ее библейским и христианским наследием.

The Imperial Orthodox Palestine Society (Imperatorskoye Pravoslavnoye Palestinskoye Obschestvo, hereafter referred to as IPPO) is Russia's oldest scientific and charitable non-governmental organization. In terms of its significance for the national culture, Oriental studies, and the relations between Russia and the Middle East, this organization is unique. The Society's statutory goals that include promotion of pilgrimage to the Holy Land, scientific studies of Palestine, and humanitarian and educational cooperation with nations of the Biblical region are germane to the traditional cultural values of Russian people and priorities of Russia's foreign policy. Equally, a large stratum of the world's history and culture cannot be properly assessed and creatively explored outside of Palestine's Biblical and Christian heritage.

ИППО и
РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ
В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

THE IMPERIAL ORTHODOX
PALESTINE SOCIETY AND RUSSIAN
PRESENCE IN THE HOLY LAND

Задуманное зачинателями русского дела на Востоке епископом Порфирием (Успенским) и архимандритом Антонином (Капустиным) и созданное в 1882 г. державной волей Александра III, Палестинское Общество в дореволюционный период пользовалось августейшим, а значит, и непосредственным государственным вниманием и поддержкой. С момента основания Общества во главе его стоял великий князь Сергей Александрович, после гибели которого (4 февраля 1905 г.) ИППО возглавила его супруга, великая княгиня Елизавета Федоровна.

Среди задач Палестинского Общества главной была работа о русском паломничестве, которое издревле связывало Россию со святыми местами Иерусалима и Палестины, а в течение XIX в. приобрело характер важнейшего духовного и политического фактора на Православном Востоке. Православный паломник определял собой самую суть того, что мы называем сегодня русским присутствием в Святой Земле. Для него была создана в Иерусалиме в 1847 г. Русская Духовная Миссия, для него в 1858 г. учреждено русское иерусалимское консульство, а в 1859 г. создан в Петербурге надправительственный Палестинский Комитет, преобразованный позже, с 1864 г., в Палестинскую Комиссию при Азиатском департаменте МИДа. Постоянным и массовым пассажиром Русского Общества Пароходства и Торговли, исправно обеспечивавшего рейсы из Одессы в Яффу и обратно, тоже был неутомимый и терпеливый паломник. Как писал В.Н. Хитрово, «только благодаря этим сотням и тысячам серых мужичков и простых баб, из года в год движущихся из Яффы в Иерусалим и обратно, точно по русской губернии, обязаны мы тому влиянию, которое имя русское имеет в Палестине»¹.

Но скоординировать и объединить усилия различных русских учреждений в Палестине, взять на себя и помощь паломникам, и поддержку Иерусалимского Патриархата, и просвещение арабского православного населения, и укрепление русского политического и духовного влияния в регионе — могла только единая мощная организация, с четкими финансовыми механизмами, с рычагами воздействия в МИДе, Святейшем Синоде и других высших российских инстанциях. Словом, встал вопрос о создании частного, независимого от государственных структур Общества, с широкой массовой основой — и одновременно с поддержкой на самом высоком уровне. Так, под патронатом Русской Церкви, государства, правительства, правящей династии было создано Православное Палестинское Общество. 8 мая 1882 г. был высочайше утвержден его устав, а 21 мая в Петербурге, во дворце великого князя Николая Николаевича Старшего состоялось его торжественное открытие.

Тhe idea of the Society first came to minds of pioneers of the “Russian cause in the East” — Bishop Porfiry (Uspensky) and Archimandrite Antonine (Kapustin) and found its implementation in 1882 when the Society was instituted by the sovereign power of Alexander III. Before the revolution, the Palestine Society enjoyed the Sovereign’s — and thus the government’s — attention and support. Since its institution, at the helm of the Society stood Grand Duke Sergey Alexandrovich, and after his death (on February 4, 1905) — Grand Duchess Elizaveta Feodorovna.

As we have already mentioned, for the Society and its founders the main goal was to take care of Russian pilgrims, because the pilgrimage movement since time immemorial linked Russia with the Holy sites of Jerusalem and Palestine and in the 19th century it became the major spiritual and political factor in the Orthodox East. The orthodox pilgrim embodied the essence of what we today call “the Russian presence in the Holy Land”. For him, in 1847, the Russian Ecclesiastical Mission was founded in Jerusalem; for him, in 1858, a consulate was open and, in 1859, a supra-governmental Palestine Committee was set in St. Petersburg — later, in 1864, this Committee was reorganized and became the Palestine Commission at the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs. Also, inexhaustible and patient pilgrims became the most regular and massive passengers at the ROPIT’s voyages from Odessa to Jaffa and back. As Vasily Khitrovo wrote, “It is only to these hundreds and thousands of gray peasants and their wives who, year after year, move from Jaffa to Jerusalem and back as if traveling in some Russian province, we should attribute Russia’s influence in Palestine”¹.

However, to coordinate and unite the efforts of various Russian institutions in Palestine and to provide for such various needs as assistance to pilgrims, support of the Jerusalem Patriarchate, education of the Arab Orthodox population, and strengthening of Russia’s political and religious influence in the region would require a single powerful organization with a distinct financial structure and appropriate leverages in the Ministry of Foreign Affairs, in the Holy Synod, and Russia’s other supreme bodies. In other words, it was the issue of instituting a private Society, independent of government agencies, that would enjoy the support of both the common people and of the ruling elite. Thus, under the patronage of the Church, the State, the government, and the ruling dynasty the Orthodox Palestine Society was established. On May 8, 1882 its Charter received the Monarch’s approval, and on May 21 its opening ceremony took place at the palace of Grand Duke Nikolai Nikolaevich the Senior.

В первый же год в число почетных членов новой организации вошло 13 членов царской семьи во главе с Александром III и императрицей Марией Федоровной. Все премьер-министры, министры иностранных дел, обер-прокуроры Синода — состояли в разные годы в Палестинском Обществе.

Результатом работы Общества в Святой Земле стало формирование уникального культурного и исторического феномена — Русской Палестины. Архитектурные памятники, связанные с деятельностью Общества, доньше во многом определяют исторический облик Иерусалима. Первым по времени был ансамбль Русских Построек, включающий Троицкий собор, здание Русской Духовной Миссии, консульство, Елизаветинское и Мариинское подворья и Русскую больницу, — унаследованный ИППО от Палестинской Комиссии. Дивный храм Марии Магдалины на склоне Елеона (освящен 1 октября 1888 г.) построен в память императрицы Марии Александровны, многолетней покровительницы и благотворительницы русского дела в регионе. В самом сердце Старого Города, близ храма Гроба Господня, расположено Александровское подворье, вместившее евангельский Порог Судных Врат и храм Александра Невского, освященный 22 мая 1896 г. в память об основателе Общества императоре Александре III Миротворце. На улице Пророков находилось Вениаминовское подворье, подаренное Обществу в 1891 г. игуменом Вениамином (Лукьяновым). Самым поздним в ряду иерусалимских проектов стало Николаевское подворье, названное так в память о последнем российском самодержце (освящено 6 декабря 1905 г.).

In the first year of the Society's existence, 13 members of the Royal Family, led by Alexander III and the Empress Maria Feodorovna, joined the new organization as honorary members. At different years, all Prime Ministers, Ministers of Foreign Affairs of Russia, and Attorney-Generals of the Holy Synod became members of the Palestine Society.

As a result of the Society's work in the Holy Land, a unique cultural and historical phenomenon — *the Russian Palestine* — has been formed. Until now architectural monuments connected with the Society's activities largely define the historical image of Jerusalem. The earliest of them is the group of buildings, known as the Russian Buildings. They include: the Holy Trinity Cathedral, the building of the Russian Ecclesiastical Mission, the consulate's building, Elisavetinsky and Mariinsky Hospices, and the Russian Hospital that IPPO inherited from the Palestine Commission. A marvelous Church of St. Mary of Magdala on the Mount of Olives (consecrated on October 1, 1888) was constructed to commemorate the Empress Maria Alexandrovna, a patroness and benefactress of the Russian project in the region for many years. In the very centre of the Old City, near the Church of the Holy Sepulchre, Alexandrovsky Hospice is located. It houses an archeological complex with New Testament's Threshold of the Judgment Gate and the Church of St. Alexander Nevsky, consecrated on May 22, 1896 to commemorate the Society's founder — Alexander III the Peacemaker. In the Street of the Prophets Veniaminovsky Hospice is still intact. The Society received it as a gift from hegumen Veniamin (Lukyanov) in 1891. The latest of Jerusalem projects is Nikolaevsky Hospice, named after the last Russian Emperor (the building was consecrated on December 6, 1905).

СТРОИТЕЛЬСТВО
СЕРГИЕВСКОГО ПОДВОРЬЯ

THE CONSTRUCTION
OF SERGIEVSKY HOSPICE

с тилонг

ПОСТРОЙКА ПРИЇУТОВЪЗ ПРАКОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО СЪВЩЕСТВА 1887.
сентябрь 9

История Сергиевского или Нового подворья (Москобийе-эль-Джедиде) неразрывно связана с именем замечательного русского человека — Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828–1893). Значение его в становлении русского дела на Востоке чрезвычайно велико, между тем лишь в последние годы это имя привлекает внимание историков и палестиноведов².

Почетный гражданин города Перми, потомственный купец по рождению, ученый и меценат по призванию, Дмитрий Дмитриевич Смышляев был ярким, хотя, может быть, и не вполне типичным, представителем нового тогда класса — людей торгового, финансового и промышленного капитала, детей и внуков вчерашних крепостных, зачинателей и создателей новой, капиталистической России.

Не чувствуя призвания к торговым делам, он целиком посвятил себя общественной и научно-издательской деятельности: стал известным краеведом, на три срока он избирался председателем Губернской Земской Управы (1870–1879), проявив и организаторский талант и общественный темперамент. В 1864–1865 гг. Дмитрий Дмитриевич отправляется в первое свое паломничество на Православный Восток. Его путевые очерки: «Синай и Палестина» и «На пути к Синаю», а также переведенные им книги французского исследователя С. Мунка «География Палестины» и «Еврейские древности» имели успех у читателей и привлекли внимание специалистов-палестиноведов.

Когда было создано Православное Палестинское Общество, в состав его членов-учредителей вошли и два представителя российского купечества — в том числе Д.Д. Смышляев, ставший также уполномоченным Общества в Пермской губернии. Восточное путешествие 1864–1865 гг. оставило в его душе неизгладимый след на всю жизнь. В 1885 г., решившись на новое паломничество, он обратился в Совет Общества с просьбой снять с него временно, на период поездки, обязанности уполномоченного по Пермской губернии. Совет решил иначе: сделать его уполномоченным в самой Палестине. Как вспоминал впоследствии Смышляев, «8 октября 1885 года я выехал в Москву и 10 октября представлялся в селе Ильинском великому князю Сергию Александровичу»³. Оба остались довольны состоявшейся встречей, в результате Дмитрий Дмитриевич охотно принял поручение отправиться в Иерусалим по делам Общества⁴.

Дела эти сводились к следующему: изыскание возможностей для сооружения здания-футляра над произведенными Обществом раскопками рядом с храмом Гроба Господня, в результате которых был обретен Порог Судных Врат; организация на Русских Постройках чайной и бани

The history of Sergievsky or New Hospice (Arabic *Moskobije-el-Djedide*) is inseparably associated with the name of a wonderful Russian man — Dmitry Smyshlyaev. His contribution to the “Russian cause” in Palestine is extremely valid; however, his name has attracted the attention of historians and experts in Palestinian studies only recently.²

An honorary citizen of Perm, a descendant of a merchants’ family, a scientist and philanthropist by vocation, Dmitry Smyshlyaev (1828–1893) was a bright — although, probably, not quite typical, representative of a new class at the time: he represented tradesmen, financiers and industrialists — children and grandchildren of former serfs who became founders and creators of the new, capitalist Russia.

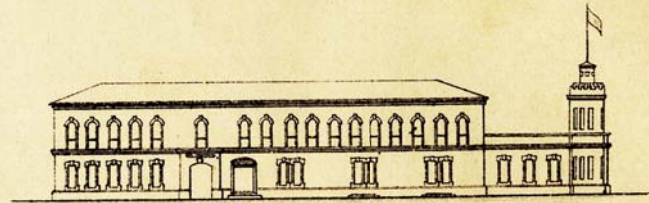
He had no vocation for trade and decided to dedicate his life to public service and scientific and publishing work: he became a renown local historian and had been elected the Chairman of Provincial Local Council for three terms (1870–1879), proving himself to be a talented executive and a zealous public servant. In 1864–1865 Dmitry Smyshlyaev set off on his first pilgrimage to the Orthodox East. Its travel essays: ‘*Sinai and Palestine*’ and ‘*On the Way to Sinai*’, as well as books by a French researcher Solomon Munk that Smyshlyaev had translated into Russian as ‘*Palestine’s Geography*’ and ‘*The Jewish Antiquities*’, were a success with the readers and attracted attention of specialists in Palestinian studies.

When the Imperial Orthodox Palestine Society was established on May 21, 1882 in St. Petersburg, among its founder members were two representatives of the Russian merchant class, including Dmitry Smyshlyaev who also became the Society’s authorized representative in Perm Province. His visit to the East in 1864–1865 left an indelible life-long impression on his soul. In 1885 he decided to travel again and asked the Society’s Board to release him temporarily — for the duration of his travel — from his duties of representative in Perm Province. The Board, however, decided to make him the Society’s representative ... in Palestine. As Smyshlyaev later remembered, “On October 8, 1885 I left to Moscow, and on October 10 I was introduced to Grand Duke Sergey Alexandrovich at Ilyinsky village.”³ Both were satisfied with the meeting and, as a result, Dmitry Smyshlyaev gladly accepted an assignment to travel to Jerusalem on behalf of the Society.⁴

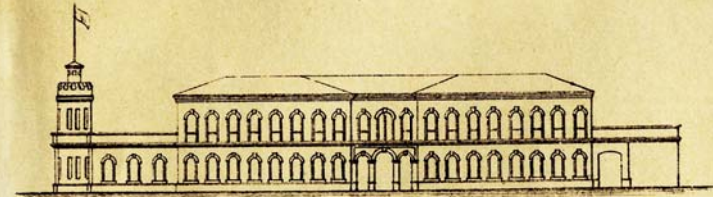
The matters he had to attend to on behalf of the Society included: investigating options for the construction of a protective case over the sites excavated by the Society near the Church of the Holy Sepulchre — those excavations resulted in the discovery of the Threshold of Judgement Gate; organizing

Подворье
Православного Палестинского общества
въ Иерусалимѣ.

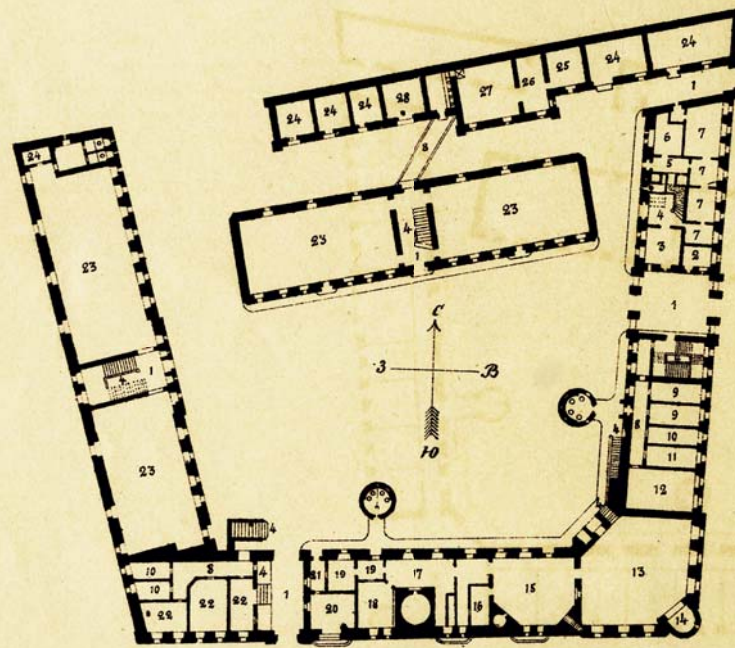

Южный фасадъ.

Восточный фасадъ.

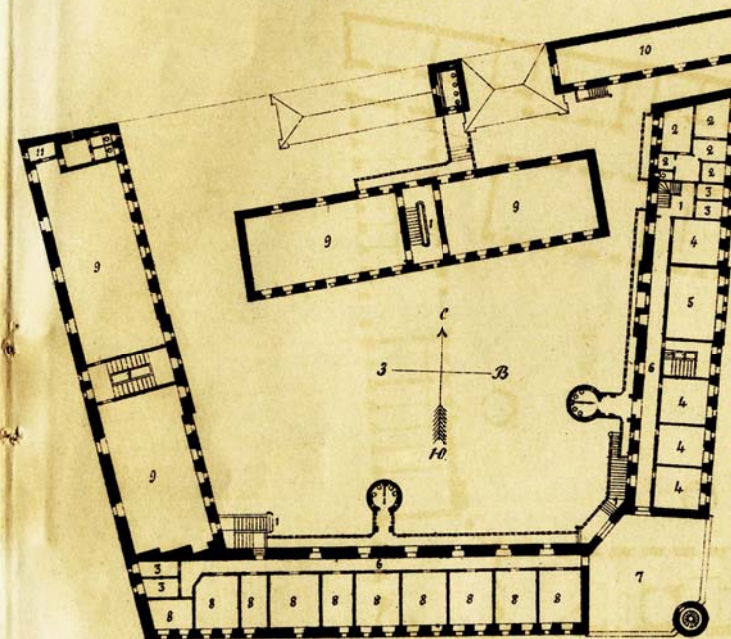
Нижний этажъ.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 саж.

1. Входы.
2. Комната привратника.
3. Кантора.
4. Лестницы.
5. Передняя.
6. Амбулаторная лоджия.
7. Квартиръ.
8. Корридоры.
9. Комнаты 1 разряда №№ 1-9.
10. Комнаты прислуги.
11. буфетъ.
12. Столовая 1 разряда.
13. Столовая 3 разряда.
14. Часовня.
15. Кухня.
16. Комната пужарки.
17. Хлебопечка и водогрейная.
18. Комната пестаря.
19. Квартира заведывающаго хозяйствомъ.
20. Лавка.
21. Комната лавочника.
22. Комнаты 2 разряда №№ 1-4.
23. Комнаты 3 разряда №№ 1-4.
24. Кладовыя.
25. Простенная.
26. Передбалникъ.
27. Баня.
28. Конюшня.

Верхний этажъ.

0 2 4 6 8 10 12 14 16 18 20 метр.

1. Лестницы.
2. Квартира уполномоченнаго.
3. Комнаты прислуги.
4. Комнаты 1 разряда №№ 3-6.
5. Приказъ 1 разряда.
6. Корридоры.
7. Терасса.
8. Комнаты 2 разряда №№ 4-13.
9. Комнаты 3 разряда №№ 5-8.
10. Сушильня.
11. Кладовая.

План Сергиевскаго подворья. АВПРИ
Plan of the Sergievsky Hospice. AVPRI

для паломников; проведение эксперимента с временным использованием для возрастающего числа богомольцев военных войлочных кибиток, оставшихся от русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁵ Сам Смышляев позже, в своей записке от 4 марта 1886 г. формулировал свои задачи следующим образом: «Устроить в Иерусалиме баню, прачечную, столовую и дополнительные помещения для паломников — на северо-западе Русских Построек»⁶.

В ноябре 1885 г. Смышляев прибыл в Иерусалим и поселился первоначально на Русских Постройках, где и прожил до Рождества. Позже начальник Русской Духовной Миссии знаменитый архимандрит Антонин (Капустин), сам уроженец Пермской губернии, радушно принявший земляка, устроил ему квартиру у себя, в здании Миссии, освободив несколько комнат.

Дмитрий Дмитриевич жадно впитывает новые впечатления. За два десятка лет, прошедшие с первого его приезда, все в Святой Земле изменилось. Родилась новая, волнующая воображение реальность — Русская Палестина. Было чем заняться, куда приложить хозяйские руки. Прежде всего, выяснилась неприемлемость варианта с войлочными кибитками: «В одной из кибиток поселилось 12 человек: довольны. Но эксперимент с кибитками на этом нужно и прекратить»⁷. Имелось в виду, что сезон дождей не оставлял никаких перспектив для среднеазиатских

Строительство подворья.
1886 г. ГМИР

Construction
of the hospice.
1886. GMIR

on the Russian Buildings' premises a tea room and a bath for pilgrims; and also trying to use military felt tents left after the Russian-Turkish war of 1877–1878 as a temporary accommodation for the increased amount of pilgrims.⁵ Later, in his notes dated March 4, 1886 Smyshlyaev described his tasks as follows: "To set up a bath, a laundry, a dining room, and additional premises to accommodate pilgrims in Jerusalem — in the north-western part of Russian Buildings."⁶

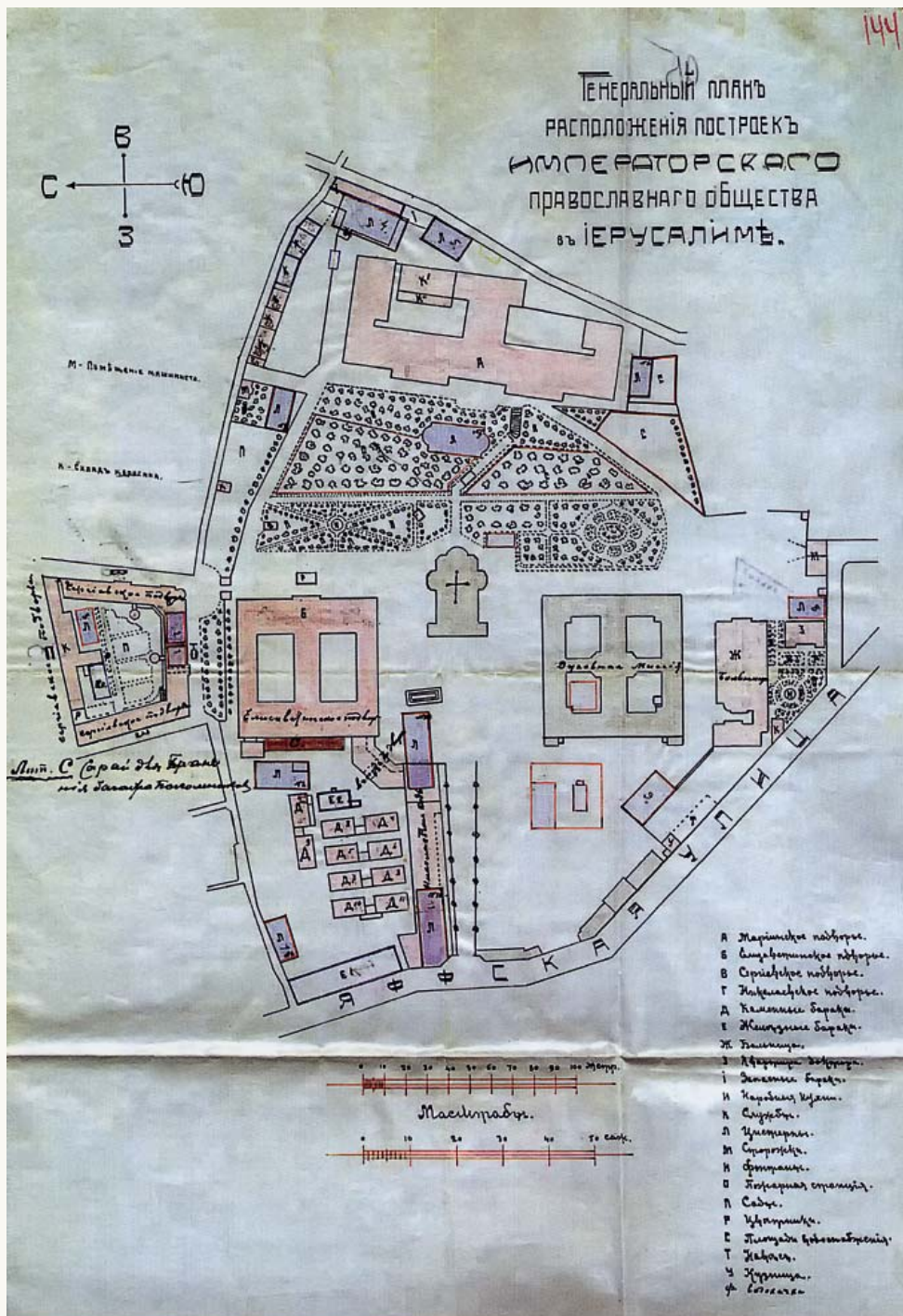
In November 1885, Smyshlyaev arrived to Jerusalem, originally settled at the Russian Buildings' premises and stayed there until Christmas. Later, Chief of the Russian Ecclesiastical Mission, the famous Archimandrite Antonine (Kapustin) — a native of Perm province who showed hospitality to his fellow-countryman — lodged him in the Mission's building, having cleared few rooms.

Dmitry Smyshlyaev insatiably imbibed new impressions. For the two decades that had passed since his last visit, everything changed in the Holy Land. A new reality that excited imagination, was born — the Russian Palestine. There was a lot of work to do and that was the work for a manager. First of all, it became clear that the felt tents could not be used: "One tent had housed 12 people, and they were happy. But the experiment with those tents should be stopped at that."⁷

Строительство
первого этажа.
1887 г. ГМИР

Construction of
the ground floor.
1887. GMIR

Генеральный план расположения построек ИППО в Иерусалиме. Начало XX в. АВПРИ
General plan of location of buildings of the Imperial Orthodox Palestine Society in Jerusalem.
Early 20th cent. AVPRI

Возведение
угловой башни
Сергиевского
подворья.
1887 г. ГМИР

Construction
of a corner
tower of the
Sergievsky
Hospice.
1887. GMIR

временных жилищ. Что касается решения Совета об организации чайной для паломников, с этим все обстояло благополучно. 16 марта в Петербург ушла телеграмма на имя М.П. Степанова: «С консульского разрешения начинаем постройку для водогрейного аппарата. Смышляев»⁸, а уже 9 апреля в письме к В.Н. Хитрово сообщалось: «Аппарат хорошо работает: 300–400 ведер в день»⁹.

Но главным оставался вопрос о расширении помещений для паломников. Когда Палестинское Общество предложило остаться еще на год в Иерусалиме, он изъявил согласие и прожил в Святой Земле четыре года, возможность чего, по собственному признанию, никогда прежде ему и в голову не приходила. В эти годы Дмитрий Дмитриевич взвалил на себя почти непосильный труд, руководя одновременным строительством двух главных русских объектов: Нового (Сергиевского) подворья и Русского Дома у Порога Судных Врат (будущего Александровского подворья). История приобретения участка и строительства Сергиевского подворья может быть подробно прослежена по переписке

ПОСТРОЙКА ПРИБОТОВ ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА 1887.
сентябрь

The words refer to the rainfall season that left no chance for the use of Central Asian temporary lodgings. Regarding the Board's decision to set up a tea room for pilgrims, it was successfully implemented. On March 16, a telegram was sent to St. Petersburg addressed to Mikhail Stepanov: "With the Consul's permission, we start a construction of premises for the water-heater. Smyshlyaev,"⁸ and on April 9, in his letter to Vasily Khitrovo he already reported: "The heater works well, producing 300 to 400 buckets a day."⁹

Yet, his main task was to expand the facilities for pilgrims. When the Palestine Society offered him to stay another year in Jerusalem, he agreed and stayed in the Holy Land for four years, even though he had never considered that option before. In those years Smyshlyaev took upon himself an almost impossible mission: he managed simultaneously the construction of two main Russian projects: the New (Sergievsky) Hospice and the Russian House at the Threshold of Judgement Gate (the future Alexandrovsky Hospice). A detailed history of the site's acquisition and construction of the Sergievsky Hospice can be retraced in Dmitry Smyshlyaev's correspondence with

Д.Д. Смышляева с секретарем ППО М.П. Степановым и членом Совета, а реально — основателем и душой Общества В.Н. Хитрово.

При первом же ознакомлении с положением дел на месте Д.Д. Смышляев в письме к В.Н. Хитрово от 12 марта 1886 г. писал: «Обществу нет другого исхода как купить свое (подчеркнуто в документе) место, и таковое в настоящее время есть, довольно обширное (целый квартал) и вплоть у Русских Построек; приобрести его можно за 6 или 7 тысяч»¹⁰.

Две недели спустя решение созрело полностью: «Теперь местные условия выяснились окончательно. Если я в записке, Вам посланной, настаивал на получении от Пал<естинской> Комиссии права на постройки на выбранном мною месте в ограде Мейданской площади (Русских Построек. — Н.Л.), то теперь заявляю решительно и окончательно мое мнение, что, если Общество желает что-либо строить в Иерусалиме, то оно должно приобрести для этого покупкою место. Иначе никакого толку из его хлопот и денежных затрат не выйдет, и я не возьму греха на душу способствовать Обществу в пагубе значительного капитала. И что за настоящая необходимость во что бы то ни стало забираться в чужой двор, когда хозяин (Палестинская Комиссия. — Н.Л.) не хочет в него пустить? Мы построим здание, затратим капитал, а потом нам начнут устраивать такие пассажи, что терпение Общества лопнет, и оно все бросит, лишь бы избавиться от скандалов и неприятностей. И это все будет поводом к удовольствию и радости, во-первых, Мансурова, во-вторых, Блаженнейшего инокренителя Православия в Святой Земле. И что скажут католики, протестанты? Как член Палестинского Общества, живо сочувствующий его целям и готовый служить ему, насколько хватит сил, прошу Вас оставить всякие мечты о постройках в чужом дворе, не бросайте денег в бездонную пропасть! <...> Вздумает Общество меня послушать — место есть, в соседстве с Русскими Постройками — целый квартал, можно купить за 6, много за 7000 рублей. На него уже есть покупатели, надо не упустить, а я постараюсь удержать продавца до Вашего ответа»¹¹.

12 апреля 1886 г. в Петербурге состоялось заседание Совета ППО под председательством Ф.П. Корнилова, с участием В.Н. Хитрово, секретаря ППО М.П. Степанова, казначея С.Д. Лермонтова и председателей отделений (научного и паломнического) Д.Ф. Кобеко и П.А. Васильчикова¹². В Иерусалим была направлена телеграмма: «Соглашаемся с предложением. Семь тысяч посылаем. Счастливого праздника» (имелась в виду приближавшаяся Пасха)¹³. Между тем, узнав о готовности русских приобрести

the Palestine Society's Secretary Mikhail Stepanov and with Vasily Khitrovo, who was not just a Board member but the true heart and soul of the Society.

Having just acquainted himself with the “in-situ” situation, Dmitry Smyshlyaev wrote in his letter to Vasily Khitrovo dated March 12, 1886: “The Society does not have any other option than to purchase its own site (underlined in the document); currently, there is a suitable site — it’s quite large (a whole block) and adjacent to the Russian Buildings; it may be purchased at 6,000 or 7,000.”¹⁰

Two weeks later, the decision matured entirely: “Now everything is totally clear with regard to the local conditions. If earlier, in my note to you, I insisted on receiving from the Pal<estine> Commission the right to build on the site that I had chosen — within the enclosure of the Maidan Square (the Russian Buildings. — N. L.), now I am declaring my opinion firmly and finally that if the Society is willing to build something in Jerusalem, it must purchase a site for this purpose. Otherwise, it will waste its efforts and money, and I do not want to assist the Society in wasting a significant capital and to have it on my conscience. And why it is necessary to build on another organization’s site, no matter what it takes, when the owner (the Palestine Commission. — N. L.) does not want us there? We will construct a building, spend money, and then they will make such troubles for us that the Society will lose patience and abandon everything just to avoid the hassle. And it will immensely please first of all, Mansurov and secondly, the Blessed Exterminator of Orthodoxy in the Holy Land. Also, what will the Catholics and Protestants say? As a member of the Palestine Society, ardently sympathetic with its cause and ready to serve it with all my heart, I beg you to leave any thought about building anything on a site that belongs to someone else, don’t spend money like water! <...> If the Society minds to hear my proposal — there is a site, next to the Russian Buildings — an entire block; it can be purchased for 6,000 — at maximum, 7,000 roubles. We should not lose this opportunity as there are other buyers willing to purchase it, and I will try to convince the seller to wait until we receive your reply.”¹¹

On April 12, 1886 the Palestine Society’s Board met in St. Petersburg. Feodor Kornilov chaired the meeting and the following members attended: Vasily Khitrovo; Mikhail Stepanov, the Society’s Secretary; Sergey Lermontov, the Society’s Treasurer; Dmitry Koboeko and Pyotr Vasilchikov, Chairmen of Scientific and Pilgrims’ Departments, respectively.¹² A telegram was sent to Jerusalem: “We accept your proposal and send 7,000. Happy holidays.”¹³ (The last words refer to the forthcoming Easter). However, having found out that the Russians were ready to buy the site, its owner started

Восточный
фасад
Сергиевского
подворья.
1888 г. ГМИР

Eastern
façade of the
Sergievsky
Hospice.
1888. GMIR

участок, владелец начал резво поднимать цену. В письме к В.Н. Хитрово от 16 апреля 1886 г. Смышляев, посылая план предположенного к покупке места, приписывает: «за него уже просят теперь около 10 500 рублей»¹⁴. И в следующем письме, от 1 мая, разъясняет: «Относительно участка я уже Вам писал, что за семь тысяч, как я предполагал, приобрести его будет нельзя. С расходами по совершению купчей придется израсходовать до 11 тыс. руб. И мое мнение таково, что все-таки его следует купить, не упуская случая»¹⁵.

14 мая 1886 г. участок был куплен на имя Михаила Петровича Степанова за 28100 франков (11,5 тыс. тогдашних русских рублей)¹⁶. Телеграмма Смышляева Степанову, от 14 мая: «Земля на Ваше имя куплена, документ получен, пришлите телеграммой еще четыре тысячи рублей прямо банкиру Валеро, который одолжил эту сумму»¹⁷. Через иерусалимского банкира Х.А. Валеро и далее осуществлялись финансовые операции Палестинского Общества¹⁸. В отправленном в тот же день письме к В.Н. Хитрово рассказано более подробно: «Участок земли, о котором я Вам писал, куплен по 3½ франка за драх (около аршина), и кушан (купчая) мною

raising the price immediately. In his letter to Vasily Khitrovo dated April 16, 1886, to which a site drawing had been attached, Smyshlyaev adds: “Now they already ask for it 10,500 roubles.”¹⁴ And in his letter dated May 1, he explains: “I have already written to you that despite my initial estimates, it is impossible now to buy the site for 7,000. Given the expenses on the transaction procedures and paperwork, the total sum will amount to 11,000 roubles. And I am still of the opinion the Society should not lose its chance and buy this site.”¹⁵

On May 14, 1886 the site was bought in the name of Mikhail Stepanov for 28,100 francs (11,500 the then existing Russian roubles).¹⁶ Smyshlyaev’s telegram addressed to Stepanov dated May 14 says: “The land was bought in your name, the documents were received; send a telegram with another 4,000 roubles directly to banker Valero who lent this money.”¹⁷ Any further financial transactions of the Palestine Society were also made through the Jerusalem banker Khaim Valero.¹⁸ A more detailed account of the transaction we find in Smyshlyaev’s letter sent to Vasily Khitrovo the same day: “The site that I have already written to you about, has been bought for 3 ½ franc per drakh (a measure approximating an arshin), and I have received kushan (a deed of land purchase) in accordance with all proper procedures; to protect the purchased land against the Turkish *droit de voisinage* (in French, ‘the neighbour’s right’), its price in the deed is specified as 500 gold coins higher than the actual price. The success of this transaction the Society owes entirely to the skills and diligence of <the Russian Ecclesiastical Mission’s dragoman> Yakov Khalebi and banker Valero. Also, the Society is beholden to the latter, because he had paid personally the whole sum at once to the seller, including the title fees, to avoid a delay in transaction. Nobody was able to interfere before it was too late, and it happened to be possible thanks to the strict confidence, in which everything was kept, and, beside me, Yakov Khalebi, and Valero, no one knew anything until the very last day — even <Archimandrite> Antonine.

I have received 7,000 roubles; as for the outstanding 4,000 roubles, I issued a document for Valero on my own behalf and today sent him a telegram notifying on the

сейчас получен с соблюдением всех формальностей; дабы гарантировать покупку против турецкого *droit de voisinage**, в купчей показана цена ее на 500 золотых выше действительной. Успехом дела этого Общество всецело обязано ловкости и усердию <драгомана Русской Духовной Миссии> Якова Егоровича Халеби и банкира Валеро. Последний, кроме того, обязал Общество тем, что взнес от себя всю сумму разом продавцу и крепостные пошлыны, дабы не затянуть дело, и только благодаря этому не успели его остановить, ибо всё хранилось в таком секрете, что кроме меня, Якова Егоровича и Валеро, никто о нем до последнего дня не подозревал, даже <архимандрит> Антонин.

Мне было выслано 7000 рублей, в недостающей сумме 4000 рублей я выдал от себя документ Валеро и сегодня телеграфировал о немедленном возврате ему этой суммы. Покорнейше прошу Вас от имени Общества написать официальную благодарность Якову Егоровичу Халеби и банкиру Хаиму Арону Валеро, благодаря которым удалось приобрести землю за цену, которую все здесь считают весьма выгодную сравнительно с существующими ценами на землю вблизи наших Построек, да и нет, кроме купленного участка, свободных земель»¹⁹.

11 июня 1886 г. Смышляев, прибыв в Петербург, представил Совету Общества денежный отчет и доклад о покупке. Доклад был одобрен, а отчет утвержден Советом и передан казначею ППО С.Д. Лермонтову²⁰. Совет постановил «выразить Д.Д. Смышляеву от имени Православного

Палестинского Общества глубокую и искреннюю благодарность за целесообразное и вполне согласное с предположениями Общества исполнение всех возложенных на него поручений»²¹. Относительно строительства в журнале Совета было записано: «По обсуждении и решении на месте, где таковые постройки желательно возвести — на приобретенном Обществом участке <т.е. на участке Сергиевского подворья> или на Русском месте близ Дамасских ворот, приступить немедленно, применяясь к плану, составленному архитектором Франгя, к возведению предположенных построек, начав прежде

* Фр. «право соседа».

immediate refund of the said sum. Also, I would kindly ask you to write an official letter of acknowledgement on behalf of the Society to Yakov Khalebi and to Khaim Aaron Valero as they have helped us to purchase this land at the bargain price compared to the existing prices for land in the vicinity of our Buildings, especially given that except for this site, there was no free land.»¹⁹

Upon arrival to St. Petersburg, on June 11, 1886 Smyshlyaev submitted a financial statement and purchase report to the Society's Board. The Board approved the report and certified the statement that subsequently was handed over to the Society's Treasurer Sergey Lermontov.²⁰ The Board Council decided "to express a deep and sincere gratitude to Dmitry Smyshlyaev on behalf of the Palestine Society as he has performed all duties assigned to him efficiently and in full compliance with the Society's instructions".²¹ With regard to construction, there is a note in the Society's minutes: "Upon discussing and deciding in-situ which site to prefer for the construction project — the one purchased by the Society <i.e. the Sergievsky Hospice's site> or the one on the Russian Compound at the Damascus Gate, the construction of the suggested buildings should

Внутренний двор Сергиевского подворья. ГМИР

Inner yard of the Sergievsky Hospice. GMIR

Угловая башня подворья. 1887 г. ГМИР

Corner tower of the hospice. 1887. GMIR

Внутренний двор и сад Сергиевского подворья. ГМИР
Inner yard and garden of the Sergievsky Hospice. GMIR

всего с хозяйственной части оных, а затем для помещения благородных и простых поклонников, насколько то позволят средства, ассигнованные Обществом в количестве до 60.000 рублей»²².

Интересно, что решение о месте строительства было принято не сразу. Совет, как явствует из записи в журнале, сомневался — может быть, и потому, что купчая на новый участок все еще не была утверждена в Константинополе. В связи с этим первоначальный проект носил типовой характер и должен был уточняться в связи с привязкой к определенному участку. В цитированном письме к В.Н. Хитрову от 26 марта 1886 г. Смышляев писал о проекте будущего Александровского подворья: «Ожидаю проекта построек (на раскопках. — Н.Л.) от архитектора Франге. К нему я готовлю объяснительную записку, копию с него дам <консулу> Бухарову. Проект этот пригодится и для построек на собственном месте Общества»²³.

Приглашенный для проектирования подворья архитектор Георгий Франгя состоял на службе у турецкого правительства в должности инженера. По происхождению левантский грек, получивший техническое образование в Париже, Франгя в течение ряда лет был связан со строительными проектами ИППО в Палестине. Так, он был привлечен Палестинским Обществом по рекомендации архимандрита Антонина на строительство храма Марии Магдалины, проектировал и строил Александровское подворье в Иерусалиме, проектировал мужскую и женскую школы в Назарете, вторые этажи Мариинского и Елизаветинского подворий (строительство не состоялось из-за противодействия Палестинской Комиссии, Франгя лишь оформил фронтонами со знаками Палестинского Общества оба подворья и Русскую больницу).

В сентябре, сразу после отпуска, Смышляев вновь в Иерусалиме — уже с официальным званием Уполномоченного ППО в Палестине²⁴. И сразу включается в работу. 18 сентября он телеграфирует Степанову: «Разрешение строить на купленном участке получено. Завтра начинаем»²⁵. После необходимой подготовки 5 октября начали рыть ямы для большой цистерны и погреба, длиной около 18 и шириной 5 сажен (36 м на 10 м), при глубине около 7 аршин (ок. 5 м). Так как грунт представлял сплошную скалу, ее взрывали с помощью пороха. Извлеченный при этом в большом количестве камень весь был впоследствии употреблен на кладку стен. 25 октября начали копать фундамент для наружных стен, а 29 октября 1886 г. состоялась торжественная закладка здания²⁶. Архимандрит Антонин записал в тот день в дневнике: «Вся поклонническая Русь в сборе. Совершается владычное водосвятие, окропляются святой

be commenced immediately in accordance with architect Frangia's layout; first, the outbuildings should be constructed and then the pilgrims' premises — for both the noblemen and common people, depending on the funds provided by the Society in the amount of 60,000 roubles.”²²

What's interesting, it took time to decide which site to prefer. From the minutes' notes, it is obvious that the Board had some doubts — perhaps, because the deed of land purchase had not yet received Constantinople's approval. That is why the original project was considered a standard one and had to be corrected in accordance with a specific site's characteristics. In the forequoted letter to Vasily Khitrovo dated March 26, 1886 Smyshlyaev wrote on the project of the future Alexandrovsky Hospice: “I expect architect Frangia to submit a layout of structures (at the excavation site — N. L.). I am drafting an explanatory note to this layout and I will give a copy of the layout to <Consul> Bukharov. This layout will be also helpful for construction works on the Society's own site.”²³

Паломники на Сергиевском подворье. Очередь за кипятком. ГМИР

Pilgrims in the Sergievsky Hospice. Queue for boiling water. GMIR

George Frangia (Franghias), an architect invited to design the hospice, was employed as an engineer by the Turkish government. A Greek from Levant by birth, Frangia was educated in Paris and dealt with the Society's construction projects in Palestine for many years. Thus, following Archimandrite Antonine recommendations, the Society invited him to build the Church of St. Mary of Magdala; he also designed and built Alexandrovsky Hospice in Jerusalem and designed a school for boys and a school for girls in Nazareth, as well as second floors of Mariinsky and Elisavetinsky Hospices (the Palestine Commission opposed the construction so it did not commence — Frangia only decorated both buildings and the Russian Hospital with frontispieces bearing the Palestine Society's insignia).

In September, as soon as his holiday was over, Smyshlyaev arrived to Jerusalem — this time he had been officially appointed as the Society's authorized representative in Palestine.²⁴ And he got down to work immediately. On September 18 he sent a telegram to Stepanov: "A permission to build on the purchased site has been obtained. The work is to commence tomorrow."²⁵ On October 5, after all necessary preliminaries, the workers started digging holes for a big cistern and a vault — their length would be about 18 sazhen (about 36 metres), width — 5 sazhen (10 metres), and depth — 7 arshin (about 5 metres). Given that the ground was a solid rock, it had to be blasted with gunpowder. As there was a lot of stones extracted in the course of those operations, they were later used to build the walls. On October 25, they started digging foundations for the outer walls and on October 29, 1886 a foundation stone laying ceremony was held.²⁶ On that day, Archimandrite Antonine wrote in his diary: "All Russian pilgrims have assembled. The Bishop blesses the water, and it's being sprinkled over the trenches; His Grace (the Bishop of Jordan Epiphanius) goes to the foundation site, reads a statutory prayer and applies a layer of lime. Coins are being poured into a hollow cut in the stone. The Representative <Dmitry Smyshlyaev> solemnly reads the Inauguration Document, puts it into a glass jar, seals the jar with wax, and lowers it into the hollow. Then the stone is laid and all people present participate in immuring it. Later, at the Representative's apartment there was a celebration with champagne and starters, including a battery of bottles of champagne, and snacks with the battery of bottles. All people rejoice and make jokes."²⁷

In accordance with the customer's wish, the New Hospice's complex had to include premises for common people that would house up to 418 pilgrims; separate accommodations for a few wealthy pilgrims; the Society's

Паломнический
караван
на Русских
Постройках.
ГМИР

Pilgrims' train
at the Russian
quarters. GMIR

водою рвы, архиерей <епископ Иорданский Епифаний > опускается к месту закладки, читает уставную молитву и кладет слой извести. Сыплются монеты в выдолбленное в камне корытце. Уполномоченный <Д.Д. Смышляев> читает торжественно Акт события, кладет бумагу в стеклянную банку, закупоривает ее сургучом и опускает в корытце. Камень кладется и замуровывается руками всех присутствующих. В квартире Полномочного шампанское и закуска с батареей бутылок. Веселье и острословие всеобщее»²⁷.

В соответствии с пожеланиями заказчика комплекс Нового подворья должен был включать помещения для 418 паломников из простонародья и нескольких состоятельных богомольцев, а также контору Общества с квартирами служащих, большую столовую, в которой можно было бы по вечерам устраивать чтения для паломников, кухню, пекарню, водогрейную, баню, прачечную, подвалы для хранения продуктов, складские помещения и конюшню. Для состоятельных паломников предусматривались отдельно столовая, буфет и гостиная. Для снабжения водой проектировались три цистерны.

Скажем сразу, строительство Сергиевского подворья было связано с немалыми трудностями — и архитектурного, и организационного, и финансового характера. Как для Франгя, так и для Смышляева это был не рутинный проект, осуществляемый по накатанным рельсам. Молодой, не вполне еще опытный, но весьма востребованный архитектор, который одновременно только для ППО вел три проекта (церковь Марии Магдалины, Сергиевское и Александровское подворья, не считая хозяйственных строений); отсутствие опыта подобных проектов у Смышляева — тем более, в новых для него условиях Иерусалима; необходимость бесконечных согласований, даже по мелким техническим вопросам с Петербургом, где, в Совете Общества, тоже не очень понимали не только в профессиональных вопросах архитектуры и строительства, но не сразу смогли определиться и с общей концепцией подворья, — все это, при сложности связи с Россией, при постоянной, даже не всегда оправданной экономии средств, вело к неизбежным, на ходу, корректировкам и в проекте, и в сметах. Первоначальная смета, по оценке Смышляева, «была составлена небрежно и слишком в общих чертах», что потребовало, для контроля, обратиться к известному иерусалимскому архитектору К. Шикку с просьбой составить независимо смету на постройку зданий, предполагавшихся в проекте Франгя. Оказалось, что по смете Франгя на строительство подворья испрашивалась сумма в 1256186 пиастров (т.е. 231555 франков), а по смете Шика — 439481 франков. Полная стоимость проекта лежала где-то по середине и была установлена не сразу.

office with apartments for employees; a large dining room that could be used to arrange evening lectures for pilgrims; also, there would be a kitchen, a bakery, a water-heating facility, baths, a laundry room, cellars to store food; warehouses, and a stable. For wealthy pilgrims, a separate dining room, a lunchroom, and a drawing room would be available. To ensure water supply, three cisterns had been designed.

We have to admit here that those involved in the construction of Sergievsky Hospice had to face numerous architectural, organizational and financial problems. For both Frangia and Smyshlyaev this project was not a routine one based on standard procedures. Despite his popularity, the architect was young and lacked certain experience; besides, he had to supervise three other projects for the Palestine Society: (the Church of St. Mary of Magdala as well as Sergievsky and Alexandrovsky Hospices, not to mention outbuildings); Smyshlyaev also was inexperienced in managing such projects, especially in Jerusalem environment which was still new to him. Moreover, while they had to seek endless approvals from St. Petersburg on every minor technical detail, members of the Society's Board did not have the necessary expertise to advise on specific issues pertaining to architecture and construction — what's worse, their opinions on the general concept of a hospice differed. All these factors, combined with difficulties in the exchange of information with Russia and the constant economy of funds — sometimes unjustified, made the design and budget corrections inevitable. According to Smyshlyaev, the initial budget estimate appeared to be "inaccurate and too general"; to check it, he asked a famous Jerusalem architect Conrad Schick to prepare an independent estimate for buildings envisaged by Frangia's project. As it happened, according to Frangia's estimate, the hospice construction would require a total of 1,256,186 piastres (i.e. 231,555 francs) while Schick's estimate specified a sum equal to 439,481 francs. The overall cost of the project was somewhere "in-between" and it took time to come up with correct figures.

Overall, the architect successfully fulfilled his task. The complex perfectly fits an uneven, almost trapezium-shaped perimeter of the purchased site; its two-storied buildings are located in the south, west, and east parts of the site; in the north part there are several wings and outbuildings. The architectural ensemble's historical styles are used appropriately, without excess; the courtyard's enclosed space is self-contained, and at the joint of south and north wings rises a beautiful round corner tower — undoubtedly, the architect could be proud of his project.

В народной
трапезной на
Сергиевском
подворье. ГМИР

In the public
refectory of
the Sergievsky
Hospice. GMIR

Праздничная трапеза во дворе Сергиевского подворья. ГМИР

Festival dinner in the yard of the Sergievsky Hospice. GMIR

В целом архитектор успешно справился с задачей. Здание оптимально вписано в неровный, близкий к трапеции, периметр приобретенного участка, с двухэтажными южным, западным и восточным корпусами и рядом флигелей и технических служб по северной стороне. Архитектурный ансамбль, с точным, без перегрузок, использованием исторических стилей, с замкнутым самодостаточным пространством внутреннего двора и красивой круглой угловой башней на стыке южного и восточного крыла, стал несомненной удачей зодчего.

Особые требования при разработке проекта были предъявлены к соблюдению санитарно-гигиенических норм. Конечно, они совсем не отвечают современным представлениям. Номера и палаты с самого начала планировались обширные, хорошо вентилируемые и освещенные — на каждого паломника полагалось воздуха ок. 10 куб. сажень, тогда как на старых подворьях эта цифра составляла не более 2 куб. саж. Принятая норма соблюдалась даже в случае очень больших и многонаселенных палат: две из них (в северном корпусе, в нижнем этаже) были рассчитаны на 38 паломников каждая, две в верхнем этаже — каждая на 40 человек. В восточном крыле была предусмотрена одна большая общая

At the design stage, the adherence to the sanitation and hygiene standards was specifically insisted upon, but for sure, these standards fail to meet the requirements of today. From the start, all suits and rooms had been designed as spacious, with good ventilation and light — each pilgrim would receive nearly 10 cubic sazhen of air while at the old premises of the same type these figures did not exceed 2 cubic sazhen per person. They adhered to that standard even in cases of very large and excessively populated rooms: each of the two of them (both located in the north building, at the lower floor) could accommodate 38 pilgrims, and two other rooms, each with the capacity to house up to 40 persons,

палата на 38 человек в нижнем этаже, и еще бо́льшая — на 65 человек в верхнем. Наконец, в южном корпусе, в нижнем этаже, одна палата была рассчитана на 41 и две в верхнем этаже — каждая на 59 человек (всего 418 человек)²⁸.

Строить Смышляев решил сам — как тогда говорили, хозяйственным способом, без подрядчика. Дмитрий Дмитриевич на первых порах, и сам, может быть, не отдавал себе ясного отчета, за что берется. Строительство не только Сергиевского подворья — вообще Русского Иерусалима можно по праву назвать эпопеей героической. На захолустной окраине Османской империи, без хороших дорог и инфраструктуры, без подготовленной рабочей силы предстояло создать городские постройки с новейшими инженерными службами. Деревя в Палестине нет, камень — далеко не всякий годится для строительства. Значительная часть стройматериалов, а отделочные — полностью, ввозились из Европы. Главную рабочую силу составляли местные жители, нанятые из окрестных деревень. Простых феллахов, вчерашних погонщиков верблюдов, приходилось обучать новым строительным профессиям, совершенно непривычным для них. Рабочий день начинался, по условиям климата, в 6 часов утра и заканчивался под нестерпимым солнцепеком к часу дня, строительный сезон продолжался с весны до осени, исключая зимние дождливые месяцы.

В отличие от других подрядчиков, нещадно эксплуатировавших почти даровую арабскую рабочую силу, Смышляев проявлял нетипичную для колониальной страны заботу о своих строителях. Организаторский талант Уполномоченного позволил привлечь арабов, греков, итальянцев — и сплотить их в дружную команду, способную создавать архитектурные шедевры в русском национальном стиле. Излишне говорить, что самому руководителю приходилось нередко быть в одном лице и подрядчиком, и инженером, и сторожем, и чернорабочим.

И проектировщиком мебели. Так, вместо обычных нар Смышляев предложил устроить деревянные двойные диваны. «Каждый такой диван, — писал он, — служит для двух человек, которые разделены между собою высокою стенкою; на стенке утверждены с обеих сторон по две полки для мелких вещей; верхняя доска дивана, служащая ложем, устроена на шарнирах и, открываясь, образует ларь для поклажи более крупных вещей; к ней приделана железная накладка, позволяющая такой ларь запирать на замок; передняя стенка нижней части дивана вынимается, дабы, по выбытию из приюта, занимаемого диван поклонника, дно ларя, представляемое полом, могло быть не только выметено, но и вымыто. С каждого бока дивана привинчены вешалки для верхней одежды. Таким образом, не беспокоя соседей

were available at the upper floor. In the east building, at the lower floor, there was one large public room for 38 persons, and still a larger one — for 65 persons — was available at the upper floor. And finally, in the south building, one room at the lower floor could accommodate 41 persons, and two rooms at the upper would house 59 persons each (with the total amount of lodged pilgrims coming up to 418).²⁸

Smyshlyaev decided to build himself, without a hired contractor — “in a thrifty manner”, as they would say in those days. At the start, he probably did not quite understand the complexity of his undertaking. The construction of Russian Jerusalem as a whole — not just of Sergievsky Hospice — may be rightfully called “a heroic endeavour”: urban buildings with the up-to-date engineering services had to be constructed in the remotest suburb of the Ottoman Empire that lacked good roads, infrastructure and qualified labour. In Palestine, logs are a scarce commodity; as for rocks — not all of them can be used for construction purposes. As for construction and decoration materials, most of the former and all of the latter had to be brought from Europe. with regard to workers, they were predominantly hired from residents of local villages. Ordinary peasants, erstwhile camel drivers, had to acquire construction skills — totally new to them. Due to climate, the working day started at 6 a.m. and ended by 1 p.m., in the scorching heat; the construction works continued from spring until autumn, interrupted only by winter — a rainfall season in that region.

Unlike other contractors who mercilessly exploited almost free local labour, Smyshlyaev cared for his workers — an attitude unusual for a colonial country. The Representative's managerial talents helped attracting Arabs, Greeks, Italians and turn them into a close-knit team that could create Russian-style masterpieces. Needless to say that Smyshlyaev himself often had to be a contractor, an engineer, a guard, and a manual worker in one person.

Besides, he had to design the furniture. Thus, instead of usual board beds, Smyshlyaev offered to build wooden twin couches. As he wrote: “Each of those couches can be used by two persons, separated by a high wall. On both sides of the wall two shelves for small items are made; the upper part of the couch, which is used as a bed, is fitted with pin hinges and if opened, can be converted into a chest for larger items; it also has an iron rim to lock the chest; the front wall of the couch's lower part may be removed to sweep and wash the floor that serves as the chest's bottom, once the pilgrim has left the hospice. At each side of the couch hangers for overcoats are fixed. Thus, without causing any inconvenience to his neighbours and suffering any disturbance from them, the

Русские военные моряки клипера «Забияка» и крейсера «Кострома»
во дворе Сергиевского подворья. 3 октября 1888 г. ГМИР

Russian Navy sailors of the clipper 'Zabiyaka' and the cruiser 'Kostroma' in the yard
of the Sergievsky Hospice. October 3, 1888. GMIR

и не будучи сам ими беспокоим, поклонник может удобно расположиться с своими вещами, содержать свою койку в порядке и чистоте и, на время отсутствия из приюта, запереть более ценные вещи в ларе на замок, а служителю, наблюдающему за чистотой, будет полная возможность поддерживать ее в палате без особенного труда». Разумеется, Смышляев на многое смотрел глазами пермского купца, не ограниченного в дереве и не представлявшего его стоимости в Палестине. Палестинскому Обществу пришлось ограничиться железными кроватями.

Для бесперебойной работы по строительству подворья Смышляеву присылали из Петербурга по 20000 франков по первым числам каждого из весенних и летних месяцев. Впрочем, бывали исключения. Телеграмма в Петербург от 25 апреля 1887 г.: «Переведите 30 т. фр. Много платить за материалы». Бывало и так: «Деньги <за июнь> не получены. Взято заимообразно у о. Антонина 15000 фр.»

В январе-феврале 1887 г. Смышляев вновь в Петербурге. 7 января состоялся его годовой отчет в Совете Общества. 10 февраля 1887 г. во внимание «заслуг по исполнению трудных обязанностей» он был избран почетным членом Палестинского Общества с вручением золотого знака и диплома, подписанного Председателем Общества вел. кн. Сергием Александровичем. В мае 1887 г. Дмитрий Дмитриевич обратился в Совет с предложением об изменениях в первоначальном проекте Сергиевского подворья — с целью «выстроить второй этаж над столовой, буфетом и гостиной и в этом втором этаже поместить библиотеку и музей», причем жертвовал Обществу собственную свою библиотеку. Предложение Смышляева было принято, но надстроен второй этаж над народной трапезной был позже, уже после освящения подворья²⁹.

Строительство было в полном разгаре, когда из Константинополя был, наконец, получен «кушан (купчая) в окончательной форме на участок земли под строящимся приютом (имеется в виду Сергиевское подворье)»³⁰.

Дополнительную напряженность в график строительства вносило ожидание приезда великого князя Сергия Александровича, стимулировавшее все основные постройки Общества в Иерусалиме. Это был долгожданный визит. Еще 2 июля 1886 г., через полтора месяца после оформления купчей, консул Д.Н. Бухаров писал М.П. Степанову: «Мы сделаем все возможное к приезду великого князя. Ради Бога, поддержите его намерение посетить Палестину. Это необходимо»³¹. Но поездка была отложена и в 1887 г.

Проходит еще год — и 7 января 1888 г. Смышляев докладывает о ходе работ при очередном отчете в заседании Совета Палестинского Общества в Петербурге³². Была

pilgrim can settle on his place, keep it clean and in good order, and when leaving the hospice, he can lock valuable items in the chest. Also, the attendant responsible for cleaning the space will be able to do his job easily.” Of course, Smyshlyaev saw the situation as a Perm merchant who could have timber in abundance, and he did not know its real cost in Palestine. Ultimately, the Palestine Society had to use iron beds.

To ensure uninterrupted construction of the hospice, Smyshlyaev received 20,000 francs from St. Petersburg on the first day of each of spring and summer months. Sometimes, however, exceptional requests had to be made — a telegram to St. Petersburg dated April 25, 1887 says: Transfer 30,000 francs. We have to pay a lot for the materials.” Unpleasant delays did happen as well: “We have not received the money <for June>. We had to borrow 15,000 francs from Father Antonine.”

Освящение
Сергиевского
подворья.
20 октября
1889 г. ГМИР

Consecration
of the Sergievsky
Hospice.
October 20,
1889. GMIR

утверждена новая, исправленная смета строительства в 380000 франков, в счет которой разрешено «выдать Д.Д. Смышляеву тотчас же 25000 франков для приобретения предметов, необходимых для первоначального обзаведения приютов <т.е. Сергиевского подворья>; остальную же сумму переводить по равной части 1го числа каждого месяца в Иерусалим, начиная с 1 марта; <...> утвердить изменения в плане, согласно предложения Д.Д. Смышляева; разрешить Д.Д. Смышляеву отправиться за границу для приобретения предметов, необходимых для обстановки построек, ассигновав необходимую на путевые расходы сумму и суточные по 10 франков в сутки; выразить Д.Д. Смышляеву благодарность за труды его на пользу Общества»³³.

Весной 1888 г. работы возобновляются. Из письма Смышляева М.П. Степанову от 26 марта 1888 г.: «Закрыли потолок южного корпуса и закрывают в западном». 20 апреля: «Постройки наши идут своим чередом»³⁴. Все готовятся к приезду высоких гостей.

In January-February 1887, Smyshlyaev returned to St. Petersburg. On January 7, he presented his annual report to the Society's Board. On February 10, 1887, to acknowledge his "merits in discharge of difficult duties" he was elected the honorary member of the Palestine Society and awarded a golden badge and a diploma signed by the Society's Chairman, Grand Duke Sergey Alexandrovich. In May, 1887 Dmitry Smyshlyaev addressed to the Council a request to introduce amendments to the original draft of Sergievsky Hospice, with the purpose "to build a second floor above the dining room, the lunchroom and the drawing room to provide space for a library and a museum," and donated his personal library to the Society. Smyshlyaev's offer was accepted but a second floor over the public dining room was built only after the hospice had been consecrated.²⁹

The construction was under way when "kushan (a deed of land purchase) for the site whereon the hospice would be built (they refer to Sergievsky Hospice)" finally arrived from Constantinople with all the required approvals.³⁰

The impending visit of Grand Duke Sergey Alexandrovich made the work schedule even more tight, adding an impetus to the construction of all main buildings of the Society in Jerusalem. The visit was much anticipated as yet on July 2, 1886, one and half months after the deed of land purchase had been executed, Consul Bukharov wrote to Mikhail Stepanov: "We will do all but impossible by the Grand Duke's arrival. For the love of God, encourage him to visit Palestine — it is important."

³¹ The visit, however, was postponed even in 1887.

A year passed and on January 7, 1888 Smyshlyaev submitted his regular report to the Society's Board at the meeting in St. Petersburg.³² A new, amended budget for the construction project was approved, totaling 380,000 francs; out of this amount Smyshlyaev was authorized "to immediately receive 25,000 francs in order to purchase items that would be essential to initially outfit the hospices <i.e. Sergievsky Hospice>; the remaining amount should be transferred to Jerusalem in equal parts on the first day of each month, starting March 1; <...> to approve amendments to the draft in accordance with Smyshlyaev's offer; to allow Smyshlyaev travel abroad to purchase items, essential to outfit the buildings and to allocate an appropriate sum for his traveling expenses and a daily allowance of 10 francs; to express gratitude to Smyshlyaev for his work for the good of the Society."³³

In spring of 1888, the work restarted. We quote from Smyshlyaev's letter to Mikhail Stepanov dated March 26, 1888: "The south building's ceiling has been finished and the west one's will be finished soon." On April 20 he wrote: "The work on our buildings is under way."³⁴ All preparations had been made for the arrival of important visitors.

Наконец, 29 сентября великий князь Сергей Александрович со своей супругой великой княгиней Елизаветой Федоровной и братом Павлом Александровичем прибыли в Иерусалим. Основной их целью было участие в освящении — в праздник Покрова, 1 октября 1888 г. — храма св. Марии Магдалины в Гефсимании. В ходе поездки великие князья осмотрели строившиеся Сергиевское и Александровское подворья.

Работы близились к завершению. 1 ноября 1888 г. архитектор Г. Франгя получил полный расчет по гонорару за строительство Сергиевского подворья — 9497 франков³⁵. С 1 декабря того же года «уволен от занятий <прораб> Николай Георгиевич Вальсамаки»³⁶.

Из Петербурга торопили. Смышляев — Хитрово, от 2 февраля 1889 г. «Вы спрашиваете, можно ли будет к сентябрю выстроить северный корпус, если будут деньги? Можно, но жить в нем будет до следующего сезона, т.е. до сентября 1890 г., нельзя: во-первых, он будет сыр, а во-вторых, нельзя успеть его обставить всем нужным для жилья»³⁷.

29 апреля 1889 г., в день рождения Председателя ИППО великого князя Сергея Александровича, на угловой башне Сергиевского подворья впервые был поднят флаг Палестинского Общества³⁸.

... Подходило к концу пребывание в Святой Земле первого уполномоченного ИППО, строителя Сергиевского подворья Д.Д. Смышляева. Несмотря на все попытки удержать его, размолвки с петербургским руководством, в частности, с В.Н. Хитрово, привели к неизбежности его отъезда. 1 августа 1889 г. Смышляев сдал кассу, а 12 августа по описи все дела и имущества Общества своему преемнику Н.Г. Михайлову. 21 августа Дмитрий Дмитриевич отбыл в Одессу и оттуда в Пермь³⁹.

В письме Хитрово к Михайлову от 5 августа 1889 г. содержится подробная инструкция относительно скорейшего открытия Нового подворья (так оно пока называлось). «Относительно Подворья буду просить Вас, если возможно, 8 или лучше 14 сентября, в день Воздвиженья Честного Креста, освятить и открыть его для приема на основании данных Вам по сему предмету наставлений. Для освящения здания имеете пригласить о. архимандрита <Антонина> с русским духовенством. Необходимы молебен с водосвятием, окропление святой водою всех помещений, затем завтрак или обед для всех приглашенных (на счет Общества). Пригласить же нужно непременно консула с женой, секретаря с женой и затем, кого Вы еще признаете нужным, драгомана. К завтраку же или обеду должны быть приглашены все наши служащие. Приглашать Патриарха или кого-либо из греческих архиереев, я бы

At last, on September 29 Grand Duke Sergey Alexandrovich with his spouse, Grand Duchess Elizaveta Feodorovna, and brother, Pavel Alexandrovich, arrived to Jerusalem. The main purpose of their visit was to participate in the consecration of the Church of St. Mary of Magdala in Gethsemane celebrated during the feast of the Intercession of the Holy Virgin (Pokrov) on October 1, 1888. In the course of their visit, the Grand Dukes inspected Sergievsky and Alexandrovsky Hospices that were under construction.

The construction approached its completion. On November 1, 1888 George Frangia, the architect, received the full payment for his work on the Sergievsky Hospice project — 9,497 francs.³⁵ As of December 1 of the same year, “Nikolai Valsamaki <the site supervisor> is discharged of his duties.”³⁶

A pressure from St. Petersburg intensified. On February 2, 1889 Smyshlyaev wrote to Khitrovo: “You ask whether it is possible to finish the north building by September if the money is provided? It is possible, yet, until the new season — i.e. September 1890 — the building cannot be used for accommodation purposes because first of all, it will be damp and second, there is not enough time to furnish it properly.”³⁷

On April 29, 1889 — the birthday of the Society’s Chairman Grand Duke Sergey Alexandrovich, the flag of Palestine Society was hoisted for the first time on the corner tower of Sergievsky Hospice.³⁸

... As for Dmitry Smyshlyaev, the first Authorized Representative of the Imperial Orthodox Palestine Society and the builder of Sergievsky Hospice, his term in the Holy Land was over. Despite all attempts to retain him, his quarrels with senior management in St. Petersburg, and with Vasily Khitrovo in particular, made his leave inevitable. On August 1, 1889 Smyshlyaev handed over the money to his successor, Nikolai Mikhailov; and on August 12, he transferred to Mikhailov all documentation and property of the Society in accordance with the inventory list. On August 21 Dmitry Smyshlyaev left for Odessa and from there traveled to Perm.³⁹

In his letter to Mikhailov dated August 5, 1889, Vasily Khitrovo instructed him in details regarding the most prompt inauguration of the New Hospice (as it was called then): “As for the Hospice, I would ask you to organize consecration and inauguration of the building, if possible, on September 8 or even better — on September 14, on the Day of the Holy Cross, in accordance with instructions that you have received regarding this matter. To consecrate the building, please invite the Archimandrite <Antonine> and the Russian clergy. A prayer service with consecration of water should be performed and then all premises should be blessed with the holy water. This ceremony is to be followed by lunch or a dinner party (at the expense of the Society). For the consecration and inauguration you must invite the Consul and his wife, the Secretary and

Народные чтения
для паломников читает
протоиерей Александр
Анисимов. ГМИР

Public readings for
pilgrims hold by Archpriest
Alexander Anisimov.
GMIR

не приглашал. Затем с 15 сентября начните прием на Подворье поклонников»⁴⁰.

20 октября 1889 г., по окончании строительных работ, Сергиевское подворье было освящено начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонином (Капустинным) и с этого дня открыто для паломников.

Расположенное рядом с Русскими Постройками, с которыми было соединено въездными воротами, подворье вмещало большой комплекс учреждений и служб. Большое место занимала контора Управления подворьями ИППО и связанная с ней квартира управляющего подворьями. Все паломники, прибывавшие в Иерусалим после 1892 г., получали свой багаж через администрацию железной дороги в конторе, а также отдавали на хранение свой паспорт, паломническую книжку и пароходный билет, внося в залог 5 руб., которые потом забирали обратно при отъезде из Иерусалима. Также уплачивался один рубль на Русскую больницу — с правом в случае необходимости пользоваться в ней бесплатным лечением. Чемоданы, сундуки и другие тяжелые вещи, сдавались на хранение в особые кладовые при каждом здании подворья. Комнаты 1-го и 2-го класса, прекрасно меблированные и снабженные всем необходимым для продолжительного в них пребывания, не уступали по обстановке современным им европейским отелям.

Подобно тому, как при проектировании и строительстве здания в первоначальные проекты вносились существенные изменения, так и после ввода его в эксплуатацию менялись не только конкретные назначения тех или иных помещений, но и концепция и общий характер подворья. Задуманное для приема растущего числа русских паломников, преимущественно из простонародья, оно не сильно увеличило площади для паломников. Его значение было в другом: подворье становится штаб-квартирой Палестинского Общества в Иерусалиме. Поэтому со временем здесь остались лишь номера 1-го и 2-го класса, а общие палаты для паломников и комнаты 3-го класса были перенесены на старые подворья. Оставались также столовые, народная трапезная, водогрейная, хлебопекарня, кухня, баня, прачечная и другие хозяйственные учреждения для обслуживания паломников. Кстати, в связи с постоянно возрастающим числом паломников, многие из хозяйственных учреждений подворья вскоре стали тесны и настоятельно требовали расширения, на что у Палестинского Общества уже не хватало средств.

Не менялось только место и назначение Народной трапезной, где собирались и знакомились между собой прибывавшие в Иерусалим паломники. Она находилась в первом этаже угловой круглой башни, что и обусловило ее несколько «угловатую» форму. В трапезной в течение всего дня можно

his wife, an interpreter, and other guests — at your discretion. As for lunch or a dinner party, all our employees should be invited. I would not recommend to invite the Patriarch or any Greek hierarch. As of September 15, the Hospice should be made available for pilgrims.”⁴⁰

Upon completion of construction works on October 20, 1889, Sergievsky Hospice was consecrated by Chief of the Russian Ecclesiastical Mission, Archimandrite Antonine (Kapustin) and since that day started receiving pilgrims.

Located near the Russian Buildings and connected to them through the entry gate, the hospice housed a large number of offices and services. The office of the Society's Hospices Administration, together with the Head of Administration's apartment, occupied a big space. All pilgrims arriving to Jerusalem after 1892 would receive their luggage at the office through the railroad administration; they would deposit with the office their passports, pilgrim books and steamboat tickets on the security of 5 roubles paid back when they left Jerusalem. Additionally, one rouble was paid for the benefit of the Russian Hospital to enable the pilgrims use free medical service if necessary. Suitcases, chests and other heavy luggage were put for safekeeping in special storerooms that existed in all buildings of the Hospice's complex. The 1st and 2nd class rooms were furnished and equipped for a long-term stay in accordance with the best European hotel standards of the day.

In the same way that original drafts were significantly amended at the design and construction stages, some premises had to change their original purpose when the hospice was put to use; moreover, its general nature and concept underwent certain changes. Designed to provide accommodation for the increased flow of Russian pilgrims, mostly peasants, it did not provide much more additional space. However, it gained value as the headquarters of the Palestine Society in Jerusalem. That is why, over the years, only 1st and 2nd class rooms survived; public rooms and 3rd class rooms were made available only at the old hospices. As for this hospice, it retained its dining rooms, public refectory, bakery, kitchen, water-heating facility, baths, laundry room, and other outbuildings to service the pilgrims' needs. In fact, the amount of pilgrims grew steadily and soon the existing outbuildings could not cope with the overflow and required expansion; however, the Palestine Society already did not have funds to expand the premises.

The only room that did not change its place and purpose was the public refectory where pilgrims met and got to know each other upon arrival to Jerusalem. It was located in the first floor of the round corner tower that gave it a slightly “irregular” shape. In the public refectory dinner would be served to

было получить обед, который состоял из супа или борща, каши или гороха на второе, фунта белого или черного хлеба и кружки кваса. Весь обед готовился из продуктов, привезенных из России, и обходился паломнику в 10 копеек.

Неимущие и бедные паломники получали в трапезной так называемые «поминальные» обеды. Многие верующие, не только из числа паломников, но и из России, желая помянуть усопших родственников, передавали в контору подворий (или в канцелярию Общества в Петербурге) деньги на определенное число обедов (считая по 10 коп. каждый) и в указанные ими дни памяти просили накормить то или

pilgrims all through the day and included a plate of soup or borsch (a beet-root soup), cooked cereal or peas for seconds, a loaf of wheat or rye bread, and a cup of kvass. The dinners were prepared of products brought from Russia, and cost the pilgrims 10 kopeks.

For impecunious and poor pilgrims, so called “commemorative” dinners were served. Many of the faithful, including those back in Russia, wanted to commemorate their deceased relatives and donated to the Hospices Administration’s office (or to the Society’s office in St. Petersburg) certain sums to pay for a fixed number of dinners (calculated at 10 kopecks per dinner); when making their donations, they asked to feed a certain amount of poor pilgrims — and this amount could differ — on the specified days. At the Society’s office impecunious pilgrims would receive coupons that enabled them to have a “commemorative” dinner at the refectory on the set days.

Scenes from the Bible, painted on the walls, made the room look like a monastery refectory. The niche formed by a curve of the corner tower had been converted into a small “chapel”, with icons and an altar stand, so prayers were said before meals, especially during the holidays. On agreement between the Society and the Russian Ecclesiastical Mission, during free time in the evenings, readings (lections) for pilgrims were organized at the refectory. During those lectures, the public would also see “obscure pictures” and for that purpose two “magic lanterns” (projecting devices) were set on the lecturer’s desk — as they overheated quickly. If the attendance was high, the lections moved outdoors; such moves did not cause any inconvenience as in Jerusalem it was getting dark early and evenings were warm. Also, in the courtyard — in the garden — on Easter people had their first meals after fast, as no refectory could accommodate thousands of pilgrims that would crowd Jerusalem during the Holy Week.

The hospice was also used for the intended purposes, and many famous people stayed there. The hospice’s register lists the founder of the Palestine Society and its permanent Secretary Vasily Khitrovo as the first tenant; Khitrovo and his wife, Sofia, stayed in a 1st class — the most prestigious — suit from October 23 to December 11, 1889.⁴¹ In November of the same year, Alexei Suvorin, the Society’s Board member, well-known publisher, journalist and author of “Palestine”,⁴² visited the hospice. In June 1891, Nikolai Koshelev lived there — a professor of Art at the Imperial Academy of Arts and the author of the Passion Cycle at Alexandrovsky Hospice; the same year members of the Society-organized scientific expedition to Syria and Palestine — Academy member Nikodim Kondakov and professor of Kiev Ecclesiastical Academy archeologist Akim Olesnitsky — stayed at the hospice.⁴³

Кавасы ИППО и паломники у парадного входа в Сергиевское подворье. ГМИР

Kavases of the Imperial Orthodox Palestine Society and pilgrims at the main entrance to the Sergievsky Hospice. GMIR

иное количество неимущих паломников. В конторе ИППО нуждающимся раздавали талоны на получение из трапезной поминальных обедов в заранее назначенные дни.

Росписи на стенах с изображениями библейских сюжетов придавали столовой вид традиционной русской монастырской трапезной. В нише, совпадавшей с выступом угловой башни, размещалось подобие часовни с иконами и аналоем, так что трапезы, особенно праздничные, предварялись молитвой. В свободные вечера, по согласованию Палестинского Общества с Русской Духовной Миссией, в помещении народной трапезной устраивались чтения (лекции) для паломников. Они сопровождались показом «туманных картин», для чего на столике лектора размещалось два «волшебных фонаря» (проектора), поскольку последние быстро перегревались. В случае большого числа слушателей лекции приходилось выносить во внутренний двор, что по условиям ранних и теплых иерусалимских сумерек оказывалось вполне удобным. Здесь же, во дворе, в саду, устраивались пасхальные разговенья, поскольку никакая трапезная не смогла бы вместить тех тысяч богомольцев, которые собирались на Страстной седмице в Иерусалиме.

Что касается непосредственного использования подворья для проживания, здесь останавливались многие известные лица. Первым проживающим значится в домовых книгах подворья основатель Палестинского Общества и его бессменный секретарь В.Н. Хитрово; он останавливался здесь с супругой, Софией Доминиковной, с 23 октября до 11 декабря 1889 г. в первом номере, первого, наиболее престижного класса⁴¹. В ноябре того же года мы видим на подворье члена Совета ИППО, известного издателя и журналиста А.А. Суворина, автора книги-альбома «Палестина»⁴². В июне 1891 г. здесь жил профессор живописи Императорской Академии художеств, автор Страстного цикла на Александровском подворье ИППО Н.А. Кошелев; в том же году на подворье останавливались участники организованной Обществом научной экспедиции по Сирии и Палестине академик Н.П. Кондаков и профессор Киевской Духовной Академии археолог А.А. Олесницкий⁴³.

В апреле 1893 г. Иерусалим посетил архимандрит (впоследствии епископ) Михаил (Грибановский) — выдающийся богослов, зачинатель нового направления в русской религиозной мысли. В его письмах, использованных автором позже в его книге «Над Евангелием», сохранились лаконичные, но весьма ценные свидетельства о Новом Подворье. В письме от 3 мая 1893 г. архимандрит сообщает обстоятельства своего приезда в Святой Град. Первоначально, как все духовные лица, он имел в виду остановиться в здании Духовной Миссии, но не застал начальника Миссии, архимандрита Антонина (Капустина). «Пошел в дом Палестинского Общества. Там меня встретил чисто европейский комфорт. Свет, прислуга, обстановка...

In April 1893, Archimandrite (a future Bishop) Mikhail (Gribanovsky) — a brilliant theologian and initiator of a new trend in the Russian religious thought — visited Jerusalem. His letters, later used for Gribanovsky's book *'Above the Gospel'* (*'Nad Evangeliiem'*), provide a brief but very valuable testimony on the New Hospice. In his letter dated May 3, 1893 the Archimandrite gave a detailed account of his arrival to the Holy City. At first, like all members of the clergy, he thought to stay at the Russian Ecclesiastical Mission but could not find its Chief, Archimandrite Antonine (Kapustin). "So, I went to the Palestine Society's house. I was surrounded by purely

Приемная даже роскошна. Вышел Хитрово и предложил перейти сюда. Я указывал на то, что архимандрит может обидеться, но он упрямился, справедливо указывая, что без архимандрита мне ничего не дадут и поесть, и засну я худо... Так как я завтра же должен уехать из Иерусалима, — я согласился. Сейчас же послали каваса за моим багажом, и я обосновался в Палестинском Обществе. Номера прекрасные. Чистота безукоризненная. Прислуга русская, самая вымуштрованная и услужливая. Удобства всевозможные»⁴⁴.

В 1898 г. на Сергиевском подворье почти месяц жил великий русский художник И.Е. Репин⁴⁵. Памятью о его пребывании в Иерусалиме остался этюд «Несение Креста», подаренный им в церковь святого Александра Невского (Александровское подворье в Иерусалиме)⁴⁶. Одновременно с Репиным, в одном из соседних номеров останавливался приехавший в Иерусалим с матерью профессор Киевской Духовной Академии А.А. Дмитриевский, будущий секретарь Палестинского Общества.

Паломники, собиравшиеся в Иерусалим на богомолье, пытались даже заранее «бронировать» номера на Сергиевском подворье, в чем им, как правило, отказывали. В журнале заседаний Совета ИППО от 2 апреля 1899 г. читаем: «Признавая, что Русское подворье в Иерусалиме действует не на коммерческом праве, а есть благотворительное учреждение, в котором каждый русский паломник имеет право на помещение, если таковое есть свободное, Совет Общества, не будучи уверен в том, что именно в определенные дни будут не заняты комнаты, не считает себя вправе заблаговременно удерживать их, о чем и уведомить генерал-лейтенанта Н.»⁴⁷.

Детом 1900 г. здесь нашли гостеприимный прием прибывшие в Святую Землю, в паломничество из Сергиева Посада, ректор Московской Духовной Академии епископ, впоследствии митрополит, Арсений (Стадницкий) и сопровождавшие его профессора и студенты. В числе профессоров был известный историк русско-иерусалимских отношений Н.Ф. Каптерев, среди студентов — Михаил Сенцов, будущий начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид⁴⁸.

Имена постояльцев вписывались в специальные паспортные книги, сохранившиеся в архиве Сергиевского подворья, и регулярно публиковались в журнале «Сообщения ИППО». Иными словами, Сергиевское подворье, наконец, восполнило то, чего так не хватало Русским Постройкам. Оно стало «дворянским подворьем», которое предполагалось проектом 1864 г., но так и не было построено.

European comfort — light, servants, atmosphere...The parlour is truly magnificent. Khitrovo appeared and offered me to move here. I said that the Archimandrite might take offence but he said that without the Archimandrite I would neither eat nor rest properly there... Since I had to leave Jerusalem tomorrow, I agreed. They immediately sent kavas to fetch my luggage, and I settled at the Palestine Society's quarters. The rooms are splendid, irreprehensible cleanliness is everywhere. Servants are Russian, excellently trained and obliging. Also, all possible conveniences are available.»⁴⁴

In 1898, Ilya Repin, a famous Russian artist, stayed at Sergievsky Hospice.⁴⁵ His sketch 'Carrying the Cross' which the artist gave as a gift to the Church of St. Alexander Nevsky (at Alexandrovsky Hospice in Jerusalem)⁴⁶ reminds of his visit to the Holy City. Simultaneously with Repin, in one of rooms next to the artist's, stayed Alexei Dmitrievsky, a professor of Kiev Ecclesiastical Academy and a future Secretary of the Palestine Society, who visited Jerusalem with his mother.

Planning their visit to Jerusalem, pilgrims tried to "book" rooms at Sergievsky Hospice in advance, but usually they were refused. The minutes of the Society's Board meeting dated April 2, 1899 had a following record: "Given that the Russian Hospices in Jerusalem are not a commercial but a charitable enterprise and every Russian pilgrim has a right to lodge there if free rooms are available, the Society's Board, being unsure that on the specified days there will be free rooms, cannot take upon itself to book and keep rooms in advance and on that it has to notify Lieutenant General N."»⁴⁷

In the summer 1900, Bishop (and future Metropolitan) Arseny (Stadnitsky), Principal of Moscow Ecclesiastical Academy, arrived to the Holy Land on pilgrimage from Sergiev Posad, accompanied by a group of professors and students. They were warmly received at Sergievsky Hospice and lodged there. The professors' delegation included Nikolai Kapterev — a well-known historian, expert in Russian-Jerusalem relations, and the students' — Mikhail Sentsov, a future Chief of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem Archimandrite Leonid.⁴⁸

Tenants' names were recorded in special registers that were kept in Sergievsky Hospice's archive. They were published regularly in the magazine called "Soobschenia IPPO" (Bulletin of the Imperial Orthodox Palestine Society). In other words, Sergievsky Hospice finally became 'a noblemen's lodging', thus supplementing for the missing part of the Russian Hospices — a residence for the nobility, envisaged by the 1864 project but never constructed.

ПОДВОРЬЕ —
СОБСТВЕННОСТЬ ИППО

THE HOSPICE AS PROPERTY
OF THE IMPERIAL ORTHODOX
PALESTINE SOCIETY

И сам великий князь Сергей Александрович, ни кто-либо другой никогда не считал Сергиевское подворье своей личной собственностью. В 1895 г. планировалось перевести подворье, в ряду других владений Палестинского Общества, в российскую государственную собственность. В заседании Совета ИППО 27 ноября 1895 г. было принято решение: «Просить Императорское посольство в Константинополе присоединить для перевода на имя Императорского Правительства к земельным участкам бывшей Палестинской Комиссии те из земельных участков ИППО, которые составляют владение мюльк и по которым владенные документы в требуемом виде будут доставлены в Посольство до дня представления этим последним ходатайства в Порту о переводе земельных участков Палестинской Комиссии»⁴⁹. Как вспоминал позже А.Г. Яковлев, тогда третий драгоман русского посольства в Константинополе, а с 1897 г. иерусалимский генконсул, дело о переводе участков «началось в конце 1894 г., когда я разобрал в Иерусалиме все документы. Из архивов видно, что многие консула начинали им заниматься, но скоро бросали, потеряв терпение»⁵⁰.

В декабре 1895 г. А.Г. Яковлев писал В.Н. Хитрово: «На днях я окончу мою записку, на основании которой один знаток турок напишет мне черновик ноты Посольства о переводе земель на имя Правительства (речь идет о переданных в ведение ИППО участках Палестинской комиссии. — Н.Л.). До сих пор от Михайлова⁵¹ не получено никаких планов. Досадно. Но Посольство подаст ноту о переводе земель Палестинской Комиссии, не дожидаясь документов на недвижимость, купленных Императорским Православным Палестинским Обществом. Синод до сих пор нам также ничего не прислал. Что за медлители!»⁵².

К моменту подписания султанского ираде (указа) о признании иерусалимских участков российской государственной собственностью русское посольство в Константинополе так и не успело включить в пакет представленной Порте документации документы о Сергиевском подворье и других новоприобретенных и построенных объектах Палестинского Общества. 2 ноября 1896 г. в письме к Степанову Яковлев пояснял: «Недвижимости, купленные Обществом, не могли быть переведены, так как документы на них были представлены <управляющим подворьями ИППО в Палестине> Н.Г. Михайловым слишком поздно, и Общество просило не ждать их в случае опоздания. Но мне кажется, что, когда я буду назначен <генеральным консулом> в Иерусалим, то удастся их перевести на имя Правительства»⁵³. О том же Яковлев пишет в личном письме к В.Н. Хитрово: «Жаль, что документы на недвижимость Императорского»

Nobody, including Grand Duke Sergey Alexandrovich, had ever regarded Sergievsky Hospice as his private property. In 1895, it was planned to make the hospice, among other assets of the Palestine Society, the property of the Russian State. The Society's Board met on November 27, 1895 and decided: "To ask the Imperial Embassy in Constantinople to join to the lands of the former Palestinian Commission those lands of the Palestine Society that are in Muluk-ownership, with the purpose of transferring them to the Imperial Government's ownership. The appropriate title deeds for the said lands will be forwarded to the Embassy prior to the date on which the Embassy had to petition Portu regarding the transfer of the Palestinian Commission's lands."⁴⁹ According to Alexander Yakovlev, then a third interpreter at the Russian Embassy in Constantinople and since 1897 Consul General in Jerusalem, the issue of transferring the lands "arose in the end of 1894, when I had sorted out all documents in Jerusalem; according to archives, it was obvious that many consuls tried to work with it but soon lost patience and did not proceed further."⁵⁰

In December, 1895 Alexander Yakovlev wrote to Vasily Khitrovo: "The other day I will finish my letter, and using it as a basis, one Turkish expert will prepare for me a draft of an Embassy's note on the transfer of lands to the Government's ownership (the reference here is to the former lands of the Palestinian Commission that had been transferred to the Palestine Society's jurisdiction. — N. L.). Until now Mikhailov⁵¹ has not sent any documentation and that's rather disappointing. However, the Embassy will present the note on the transfer of the Palestinian Commission's lands and will not wait for the arrival of the documents for property bought by the Imperial Orthodox Palestine Society. The Synod also has not sent us anything. How slow they are!"⁵²

By the time the Sultan signed his *irade* (a decree) on recognition of the Russian State's rights to Jerusalem sites, the Russian Embassy in Constantinople still had not received documentation for Sergievsky Hospice and some other newly purchased and constructed assets of the Palestine Society, and could not include them into the package of documents that had to be submitted to Porta. In his letter to Stepanov, dated November 2, 1896, Yakovlev explained: "The real property bought by the Society could not be transferred because <the Administrator of the Society's Hospices in Palestine> Nikolai Mikhailov had sent the relevant documents too late and the Society asked not to wait for them if delays occurred. However, I believe that once I am assigned <as Consul General> to Jerusalem, it will be possible to transfer their ownership to the Government."⁵³ The same he wrote in his personal letter to Vasily Khitrovo:

Архимандрит Антонин
(Капустин) освящает
Сергиевское подворье.
20 октября 1889 г. ГМИР

Archimandrite Antonine
(Kapustin) consecrates
the Sergievsky Hospice.
October 20, 1889. GMIR

Сад на подворьях. Вид с востока на Сергиевское подворье

Eastern view at the Sergievsky Hospice.

П<равославного> П<алестинского> Общества опоздали. Но я думаю, со временем можно и их будет перевести на имя Правительства. Перевод их на имя Его Высочества этому не помешает»⁵⁴.

Именно поэтому подворье было оформлено на имя Председателя ИППО великого князя Сергея Александровича (кушан от 23 февраля 1899 г.), что и было зарегистрировано в иерусалимской кадастровой книге № 24. Перевод подворья на имя великого князя оказался единственным выходом из сложившейся ситуации. В переписке российского МИДа фигурирует формулировка: «*номинальная собственность вел. кн. Сергея Александровича*»⁵⁵. С 1900 г. Новое подворье стало называться Сергиевским — в честь Председателя Императорского Православного Палестинского Общества.

Великий князь Сергей Александрович погиб от руки террориста 4 февраля 1905 г., не оставив какого-либо завещания. На его имя к этому времени было переведено 6 объектов недвижимости ИППО в Палестине: Сергиевское и Вениаминовское подворья в Иерусалиме; Вифлеемский участок (возвращен России Я. Арафатом; на нем теперь

Сад во дворе Сергиевского подворья.

Garden in the yard of the Sergievsky Hospice.

“It is sad that the documents for the Imperial Orthodox Palestine Society’s real property came too late. But I think that over time we will be able to transfer this property to the Government’s ownership as well. Their transfer to His Highness will not be an obstacle in this case.”⁵⁴

That is why the hospice was registered in the name of Grand Duke Sergey Alexandrovich, Chairman of the Society (kushan dated February 23, 1899) and the respective record was entered into Jerusalem cadastre #24. Transfer of the hospice to the Grand Duke’s ownership was the only possible solution in the existing situation. In the correspondence of the Russian Ministry of Foreign Affairs a phrase “*titular property of Grand Duke Sergey Alexandrovich*” appears.⁵⁵ As of 1900, the New Hospice was called “Sergievsky” to commemorate Chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society.

Grand Duke Sergey Alexandrovich was killed by a terrorist on February 4, 1905, thus dying intestate. By then six real property items in Palestine, formerly owned by the Society in Palestine, were registered in his name: the Sergievsky and Veniaminovskiy Hospices in Jerusalem; a site in Bethlehem (returned to Russia by Yasser Arafat; later a hotel belonging to

«Благовещенский» караван
русских паломников. ГМИР

The 'Annunciation' train
of Russian pilgrims. GMIR

построена гостиница Русской Православной Церкви); участок в г. Рамалла под названием Айн-уль-Мезариб; Иоасафовский участок в Иерихоне⁵⁶ и подворье имени В.А. Сперанского в Хайфе.

Совет Общества неоднократно возвращался к вопросу о судьбе этих недвижимостей. В докладе «Об укреплении недвижимых имуществ Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине» (9 июня 1915 г.) управляющий учреждениями ИППО в Палестине П.И. Ряжский писал: «Перевод <этих участков> на имя правительства или Общества является делом затруднительным, главным образом потому, что в Бозе почивший великий князь не оставил относительно этих имуществ никаких завещательных распоряжений, оформленных в турецком нотариальном порядке, а его наследники по закону не вводились в права наследства в течение земской давности. В случае благоприятного исхода войны необходимо потребовать переписать эти имущества на имя Палестинского Общества или русского правительства, во-первых, на основании формального заявления русского посольства <в Константинополе> о том, что эти земли приобретались на средства Общества его в Бозе почившим Августейшим Председателем и записаны на его имя только вследствие известных дефектов в турецком законодательстве, во-вторых, на основании более чем десятилетней давности бесспорного фактического владения этими имуществами Императорского Православного Палестинского Общества, исправно уплачивавшего все государственные поземельные и вакуфные налоги и бесспорно признаваемого в качестве ответственного владельца местными оттоманскими властями, принимавшими эти налоги и выдававшими квитанции»⁵⁷.

О том же шла речь и в соответствующем разделе другого доклада П.И. Ряжского — «Вопросы, связанные с восстановлением деятельности Императорского Православного Палестинского общества в Святой Земле по окончании войны с Турцией». Доклад обсуждался в заседании Совета ИППО 29 мая 1915 г., был одобрен к печати на правах рукописи и представлен в МИД в качестве официальной позиции Палестинского Общества для использования в последующих переговорах на послевоенной мирной конференции⁵⁸.

the Russian Orthodox Church was build on this site); a site in Ramallah called “Ain-ul-Mezarib”; Ioasafovsky site in Jericho⁵⁶ and a hospice named after Vasily Speransky in Haifa.

Many times the Society’s Board had to consider the destiny of those property items. In his report “On Consolidation of the Imperial Orthodox Palestine Society’s Real Assets in Syria and Palestine” (of June 9, 1915) Pavel Ryazhsky, Administrator of the Society’s Institutions in Palestine, wrote: “Transfer <of these items> to the ownership of the Government or of the Society is a difficult matter as Grand Duke has died intestate and there are no settlements by will pertaining to these items and certified by a Turkish notary. As for the Grand Duke’s legal heirs, they did not enter upon their inheritance within the period allowed by territorial prescription. In case of the war’s successful outcome, it is of necessity to demand re-registration of the said items in the Palestine Society’s name or in the name of Russian Government — first of all, on the grounds of a formal statement of the Russian Embassy <in Constantinople> testifying that the said items were bought by the Society’s deceased August Chairman using the Society’s funds and were registered in his name only due to known flaws of the Turkish legal system; and second, on the grounds of more than a decade long, actual and indisputable ownership of the said property items by the Imperial Orthodox Palestine Society which regularly paid all land and endowment taxes imposed by the state and was indisputably recognized as the responsible owner by the local Ottoman authorities that received those taxes and issued receipts.”⁵⁷

Another report by Pavel Ryazhsky, “The Issues Pertaining to the Continuation of the Imperial Orthodox Palestine Society’s Work in the Holy Land after the End of the War with Turkey” again addressed the same concern. At the meeting held on May 29, 1915, the Society’s Board considered the report and approved it for publishing as an autograph; the report was delivered to the Ministry of Foreign Affairs as representing the Palestine Society’s official to be used in the subsequent negotiations at the post-war peace conference.⁵⁸

СУДЬБА СЕРГИЕВСКОГО
ПОДВОРЬЯ В XX В.

THE FATE OF SERGIEVSKY
HOSPICE IN THE 20TH CENTURY

В 1914 г., с началом Первой мировой войны, все учреждения Палестинского Общества, включая подворья, школы и больницы, по приказанию турецких властей были закрыты. Сергиевское подворье разделило судьбу всей Русской Палестины. Служащие ИППО были либо высланы из страны, либо интернированы. Подворья были заняты турецкой армией. Февральская, а затем Октябрьская революции в России внесли свои коррективы. После отречения Николая II Общество перестало именоваться «Императорским», а великая княгиня Елизавета Федоровна сложила с себя полномочия Председателя. 9 апреля 1917 г. председателем ППО был избран прежний вице-председатель, кн. А.А. Ширинский-Шихматов. Но он реально руководил работой Общества лишь до конца 1917 г. В последний раз под его председательством Совет собирался 1 декабря 1917 г. Затем князь переехал в Москву, а осенью 1918 г. эмигрировал в Германию. Там, никем в России на то не уполномоченный, он возглавил параллельный «Совет Православного Палестинского Общества» — своеобразный «Совет в изгнании», объединив некоторых из прежних членов ИППО, оказавшихся в эмиграции. А Совет настоящий, оставшийся на родине, 5 (18) октября 1918 г., избрал председателем старейшего из своих членов, академика В.В. Латышева, который и занимал этот пост до самой кончины 2 мая 1921 г. С 1918 г. Общество было вынуждено отказаться и от именования «Православное», оно называлось с тех пор Российским Палестинским Обществом при Академии Наук и, поскольку какие-либо связи с Палестиной надолго были прерваны, было вынуждено ограничить себя исключительно научной деятельностью.

Так произошел неизбежный по условиям времени раскол Палестинского Общества на Российское и зарубежное. Недвижимости в Палестине оказались в распоряжении эмигрантской части Общества. Местные власти — как во времена Мандата, так и после создания государства Израиль — умело использовали возникший вакуум русско-го политического присутствия и естественный конфликт интересов двух ветвей Русской Церкви и двух ветвей ИППО для того, чтобы максимально затормозить реальное возвращение русского достояния России.

Наследие было немалое. К 1914 г. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме и ИППО обладали в Палестине земельными участками (в общей сложности около 70), с суммарной территорией 1,5 млн. кв. м, т. е. около 150 га. (Для сравнения: эта площадь в 6 раз превышает размеры Московского Кремля). Из них Палестинскому Обществу принадлежало около 23 га.

In 1914, once the World War I began, the Turkish government ordered to close all institutions of the Palestinian Society, including hospices, schools and hospitals, — and Sergievsky Hospice was not an exception. The Palestinian Society's employees were either exiled or interned. The hospices were handed over to the Turkish army. Subsequent revolutions in Russia — first in February and then in October — further changed the situation. After Nikolai II abdicated the throne and Grand Duchess Elizaveta Feodorovna resigned from the position of the Society's Chairperson, the Society ceased to be referred to as "Imperial". On April 9, 1917 the former Vice Chairman, Prince Alexei Shirinsky-Shikhmatov, was elected the Chairman of the Palestine Society. However, de facto he headed the Society only until the end of 1917. For the last time he chaired the meeting of the Society's Board on December 1, 1917. Then the prince moved to Moscow and in autumn of 1918 emigrated to Germany. There, without receiving any powers from Russia, he took charge of the competing "Board of the Orthodox Palestine Society" — kind of a "Board in Exile". This entity united some of the former members of the Palestine Society who had emigrated. As for the real Board that continued operating in Russia, on October 5 (18), 1918 it elected to the Chairman position the Society's oldest member and member of the Academy Vasily Latyshev who headed the Society until his death on May 2, 1921. Since 1918, the Society had to remove the word "Orthodox" from its name and was referred to hereafter as the Russian Palestine Society of the Academy of Sciences. Given that all ties with Palestine had been broken for long, the Society had to limit its activities to scientific research.

Thus happened a split — inevitable at the time — and there appeared the "Russian Society" and the "Society in Exile". The "Society in Exile" received control over the real items in Palestine. The local authorities — both during the Mandate period and after the state of Israel had been set up, skillfully manipulated the situation using the lack of Russian political presence and natural conflict between two branches of both the Russian Orthodox Church and the Palestine Society to delay the actual return of Russian heritage to Russia as much as possible.

And the heritage was great: by 1914, the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem and the Imperial Orthodox Palestine Society owned lands in Palestine (in total, nearly 70 sites), with the total territory of 1,5 million square metres — approximately 150 hectares (to compare, it exceeds the territory of Moscow Kremlin sixfold). Of this territory, the Palestine Society owned 23 hectares.

Фотосъемка подворий ИППО в Иерусалиме с воздуха. 1918 г.

Foto of the Russian Compounds in Jerusalem from airplane. 1918

... 9 декабря 1917 г. английские войска под командованием генерала Алленби вошли в Иерусалим. К новому, 1918-му, году вся территория Святой Земли была занята англичанами. Палестина, Иордания, Ливан и Сирия подлежали новому переделу — теперь уже только между Францией и Англией. 25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо Верховный совет Антанты передал мандат на Палестину Великобритании. 24 июля 1922 г. условия мандата были одобрены Советом Лиги Наций. 29 сентября 1923 г. мандат на Палестину официально вступил в силу⁵⁹.

Согласно 13-й статье Мандата, «вся ответственность, связанная со святыми местами, религиозными зданиями и участками» в Святой Земле также передавалась британским властям. И хотя следующая, 14-я статья, апеллировала к созданию «специальной комиссии по правам и притязаниям,

... On December 9, 1917, British troops under General Allenby's command entered Jerusalem. By the new, 1918, year the British had occupied the entire territory of the Holy Land. Palestine, Jordan, Lebanon and Syria had to be divided again — this time between France and Great Britain. On April 25, 1920 at San Remo conference, the Allied Supreme Council granted a mandate for Palestine to Great Britain. On July 24, 1922 the League of Nations Council approved the Mandate's terms. On September 29, 1923 the Mandate for Palestine officially came into effect.⁵⁹

Article #13 of the Mandate stated that “all responsibility pertaining to the holy sites, religious buildings and lands” in the Holy Land had to be also transferred to the British authorities. And though the next Article — #14, called for the institution of “a special commission on the rights and

Столовая
1-го класса.

Canteen of
the first class

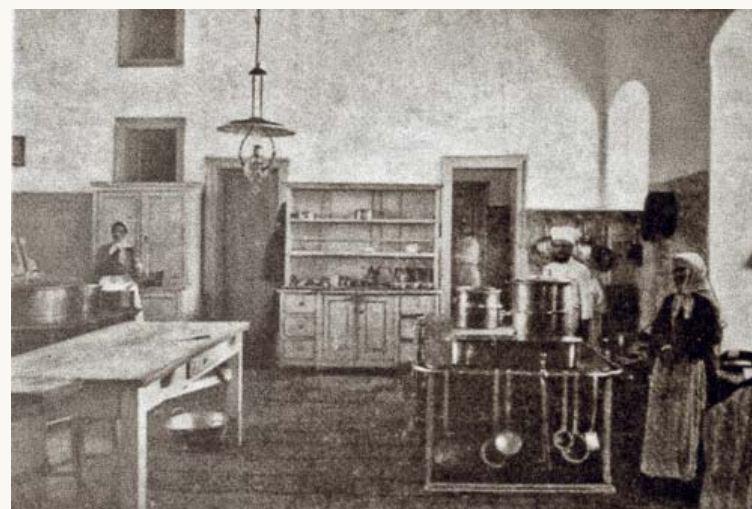

связанным со святыми местами», эта комиссия никогда не была создана. Верховный комиссар и колониальная администрация вполне своевольно распоряжались в Палестине религиозными имуществами, в том числе русскими. «Устав о благотворительных фондах», изданный в 1924 г., предоставил администрации широкую власть над имуществами и капиталами, даже вакуфными, т. е. принадлежащими Церкви и другим религиозным организациям. Напомним, что большинство наиболее ценных участков и объектов Русской Духовной Миссии было переведено архимандритом Антонином в 1889 г. в разряд вакуфных.

Что реально происходило с русскими владениями в Святой Земле в период Британского Мандата (1918–1948) исследовал профессор Аризонского университета США С. Баталден. По мнению американского исследователя, британская политика в отношении Русской Палестины определялась тем, что англичане, «движимые заботой о международно признанном религиозном и благотворительном характере русских землевладений, пытались любыми средствами избежать возвращения владений советским властям, чей признанный атеизм они рассматривали как противоречие тем целям, с которыми используются святыне места»⁶⁰. Надо отдать должное объективности автора: в работе четко прослеживается скрытое за указанной риторикой стремление колониальной администрации «использовать страхи перед советским атеизмом для установления своей собственной власти над довоенными русскими владениями». Основной вывод Баталдена едва ли можно оспорить: «В конце концов,

claims pertaining to the holy sites», this commission was never formed. The High Commissioner and colonial administration disposed of religious assets in Palestine, including the Russian property, rather high-handedly. “The Statute of Charity Foundations” published in 1924, granted the administration wide powers over assets and funds, including endowments, i.e. those belonging to the Church and other religious organizations. And here we have to remind that in 1889, Archimandrite Antonine transferred the majority of the most valuable sites and property of the Russian Ecclesiastical Mission to the category of endowments.

Professor of Arizona State University Stephen Batalden has researched what actually happened to the Russian property in the Holy Land during the British Mandate period (1918–1948). The U.S. researcher is of the opinion that with regard to the Russian Palestine, the British policy was determined by their “care for the internationally recognized religious and charitable status of the Russian sites so that by all possible means they tried to prevent transferring of the said property to the Soviet authorities whose acknowledged atheism they considered inconsistent with the sites’ intended usage.”⁶⁰ And here we have to do justice to the author’s neutrality: it is apparent from his work that the colonial administration used the above rhetoric to hide their intention to “use the Soviets’ atheism as a dread to set up their authority over the prewar Russian property.” And it’s hard to challenge Batalden’s fundamental conclusion: “Eventually, the party that benefited most from the contested Russian ownership of the said property was the Palestinian Mandate — or the British authorities.”⁶¹

Кухня на
Сергиевском
подворье.

Kitchen at
the Sergievsky
Hospice

стороной, которая выиграла больше всего от спорного вопроса о русском землевладении, был Палестинский Мандат, или сами британские власти»⁶¹.

Именно английские власти ввели в практику принудительное «арендное» использование русской собственности — часто без санкции законных владельцев, — в целях светских и коммерческих. Митрополит Антоний (Храповицкий) в одном из писем 1924 г. из Иерусалима четко обрисовал ситуацию: «Почти все огромные и многочисленные корпуса подворья (имеются в виду Русские Постройки. — Н.Л.), равно и помещения его бывшего начальника, заняты английскими правительственными учреждениями, а арендная плата за них составляет единственную доходную статью Русской Миссии»⁶².

В феврале 1919 г. помощник Управляющего подворьями ИППО Н.Р. Селезнев прибыл в Екатеринодар, где находившийся там в это время член Совета Общества А.А. Нератов выхлопотал для него из деникинского Полевого Казначейства 20000 «керенскими» и, снабдив номинальными полномочиями от Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака, направил Управляющим подворьями в Иерусалим. Несколько месяцев спустя, в разгар лета, мы видим его в Иерусалиме. Вместе с бывшим старшим драгоманом российского консульства Я.Н. Фарраджем он явился представить свои полномочия к иерусалимскому губернатору и испанскому консулу, которому в свое время было поручено покровительство русским в Святой Земле.

С помощью временно исполнявшего в годы Первой мировой войны обязанности Управляющего К.Н. Петропуло, Н.Р. Селезнев составил опись сохранившегося имущества Александровского подворья и перевез его в кладовые Сергиевского подворья. 26 ноября 1919 г. он направил свой первый рапорт в Париж, Председателю ППО князю А.А. Ширинскому-Шихматову: «На Сергиевском подворье, — писал он, — имеем в своем распоряжении контору и три кладовых. <...> Все наши кладовые очищены турками, все запасы разграблены, вся мебель из номеров и паломнических помещений увезена, испорчена, приведена в негодность. Сергиевское подворье занято военной полицией». В начале двадцатых годов Н.Р. Селезнев от имени Совета Общества и его Председателя кн. А.А. Ширинского-Шихматова подал заявление в Иерусалимский Земельный Суд о переводе Сергиевского подворья и других владений на имя ППО. Суд вынес постановление: вызвать через публикацию в газетах наследников великого князя Сергея Александровича, на имя которого были записаны эти владения Общества. Никто из наследников великого князя Сергея Александровича не отозвался.

It is the British authorities that have practiced a compulsory “leasehold” of the Russian properties for secular and commercial purposes, often without permission of their rightful owners. In one of his letters from Jerusalem dated of 1924, Metropolitan Antony (Khrapovitsky) explicitly described the situation: “The British government organizations have occupied nearly all large and numerous buildings of the hospice (he referred here to the Russian Buildings. — N. L.) as well as the former Administrator’s quarters, and for the Russian Mission, rental payment for the said buildings is the only revenue item.”⁶²

In February 1919, Deputy Administrator of the Palestine Society’s Hospices Nikolai Seleznev arrived to Ekaterinodar, and there a member of the Society’s Board Anatoly Neratov obtained for him from Denikin’s Field Treasury 20,000 “Kerensky’s notes”. On behalf of the Supreme Ruler, Admiral Alexander Kolchak, he also vested Seleznev with formal powers to act as Administrator of the Palestine Society’s Hospices in Jerusalem. A few months later, in summer, Seleznev was in Jerusalem and, together with

Израильские полицейские у входа в Сергиевское подворье. На вывеске у входа надпись: «Православное Палестинское Общество при Академии Наук СССР». 1960-е гг.

Israeli police at the entrance to the Sergievsky Hospice. It is written on the sign: ‘Imperial Palestine Society of the Academy of Sciences of the U.S.S.R.’. 1960-s.

Во дворе
Сергиевского
подворья. 2012 г.

In the yard of
the Sergievsky
Hospice. 2012

27 ноября 1924 г. представлявший до тех пор русские интересы испанский консул получил письмо от Британского Верховного Комиссара, в котором его благодарили за труды по защите интересов русских учреждений. Одновременно в письме было указано, что отныне покровительство последним принимает на себя британское «Палестинское Правительство». В январе 1925 г. мандатные власти назначили Администратором Русских Имуществ молодого капитана Г.А. Каста (G.A. Cust), который уведомил представителей ППО, что англичане «признают фактическое существование Общества со всеми его имуществами и считают необходимым поддержать строй, внутренний распорядок и деятельность его, основанные на Уставе. Администратор будет промежуточным звеном между Советом Общества, находящемся в Берлине, и Управлением Подворьями, имеющим постоянное пребывание в Иерусалиме». С этого времени ППО и его недвижимости находились под постоянным контролем английского Администратора.

Английское правительство не покушалось формально на имущество ППО, но арендовало (без спроса) многие здания и помещения, за что платило Обществу полагающуюся аренду — первоначально через испанское консульство,

a former senior interpreter of the Russian Consulate Y. Farrage, presented himself to the Governor of Jerusalem and to the Spanish Consul who at some point was vested with a function to protect Russians in the Holy Land.

Nikolai Seleznev, with the help of K. Petropulo — an acting Administrator during the World War I, prepared an inventory list for Alexandrovsky Hospice's survived property and moved all the items to Sergievsky Hospice's storehouses. On November 26, 1919 Seleznev sent his first official report to Paris, to the Society's Chairman Prince Alexei Shirinsky-Shikhmatov. He wrote: "At Sergievsky Hospice we have at our disposal an office and three storehouses. <...> The Turks have emptied all our storehouses; all supplies have been stolen; as for suits and pilgrims' rooms, all furniture items have either been removed or damaged and destroyed. The premises of Sergievsky Hospice are occupied by military police."

In the early 1920s, Nikolai Seleznev, on behalf of the Society's Board and its Chairman Prince Alexei Shirinsky-Shikhmatov, lodged an application to the Jerusalem Land Court, asking to transfer Sergievsky Hospice and other properties to the Palestine Society's ownership. The court ruled that announcements should be published in newspapers calling for heirs of the late Grand Duke Sergey Alexandrovich as the abovementioned properties were registered in his name. However, none of the Grand Duke's heirs responded to the announcements.

On November 27, 1924 the Spanish Consul who represented Russian interests till then, received a letter from the British High Commissioner. The letter expressed gratitude to the Consul for his efforts in protecting the Russian institutions' interests while at the same time, informed him that from now onward the British "Palestinian Government" would take care of the said interests. In January 1925, the Mandate authorities appointed a young captain G.A. Cust the Administrator of Russian Properties. Cust notified the Palestine Society's representatives that the British "recognize the actual existence of the Society with all its properties and believe it is necessary to support its system, internal order and activities as specified by the Charter. The administrator will act as an intermediary between the Society's Board, currently located in Berlin, and the Hospices' Administration permanently based in Jerusalem." Since then, the British Administrator constantly controlled the Palestine Society and its properties.

Formally, the British Government did not entrench upon the Palestine Society's property but it rented (without permission) many buildings and premises. For that it paid rental fees to the Society, at first — through the Spanish Consulate and later — through the appointed Administrator. The first lease

Вид народной трапезной на Сергиевском подворье после возвращения подворья в собственность России. 2012 г.

Public refectory of the Sergievsky Hospice after the returning of the hospice to Russian real estates. 2012.

Домовая церковь на Сергиевском подворье. ГМИР

Home church at the public refectory of the Sergievsky Hospice. GMIР

а затем — через назначенного администратора. Первый арендный договор был заключен на Сергиевское подворье. Начиная с 1929 г., на протяжении двух десятков лет всеми владениями Общества управлял член Совета ППО, бывший вице-консул в Персии В.К. Антипов, канцелярия которого находилась на Сергиевском подворье. Общество не только владело Сергиевским подворьем и управляло им, оно исправно платило требуемые налоги и производило необходимые ремонты на подворье вплоть до создания государства Израиль в 1948 г.

Как только советское государство было признано европейскими странами, возобновились и дипломатические попытки защиты российских интересов и имущественных прав в Палестине. 18 мая 1923 г. представитель РСФСР в Лондоне Л.Б. Красин направил министру иностранных дел Великобритании маркизу Керзону ноту, в которой говорилось: «Российское правительство заявляет, что все земли, гостиницы, больницы, школы и другие здания, как и вообще все другое движимое или недвижимое имущество Палестинского Общества в Иерусалиме, Назарете, Кайфе, Бейруте и в других местах Палестины и Сирии, или вообще где бы оно не находилось (имелось в виду также Свято-Николаевское подворье ИППО в Бари, в Италии. — Н.Л.), составляет собственность Российского государства.

contract was signed for Sergievsky Hospice. As of 1929, for two decades, the former Vice Consul in Persia and a member of the Society's Board Vasily Antipov managed all properties of the Society; his office was located at Sergievsky Hospice. The Society owned and managed Sergievsky Hospice, as well as paid all due taxes and conducted the required repairs on the premises until 1948 — the year when the State of Israel was set up.

Once European states recognized the Soviet Union, diplomatic efforts to protect Russian interests and property rights in Palestine were resumed. On May 18, 1923 Leonid Krasin, a representative of the Russian Socialist Federative Soviet Republic in London, sent a note to the British Minister of Foreign Affairs, Marquess Curzon, that stated: "The Russian Government declares that all lands, hotels, hospitals, schools and other buildings, as well as all other real and personal property of the Palestine Society in Jerusalem, Nazareth, Haifa, Beirut and other localities in Palestine and Syria, or wherever it may be located (Krasin referred to Svayto-Nikolaevsky Hospice at Bari, Italy, as well. — N. L.), is the property of the Russian State. At the same time, the Russian Government confirms similar rights to the property of the former Russian Ecclesiastical Mission that was under the

Вид народной трапезной в 2012 г.

Public refectory in 2012

Росписи в
народной
трапезной
Сергиевского
подворья.
2012–2017 гг.

Wall paintings
in the public
refectory of
the Sergievsky
Hospice.
2012–2017

Российское правительство одновременно подтверждает свои аналогичные права на имущество бывшей Русской Духовной Миссии, которое находилось в ведении бывшего Святейшего Синода и которое, в силу этого и согласно декрета от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от Государства, перешло в собственность Российского государства. Наконец, Российское правительство констатирует то же самое в отношении движимого и недвижимого имущества бывшего Министерства иностранных дел в Палестине и Сирии (здания консульств и т.д.)»⁶³.

Нота Л.Б. Красина, как и последующие (в 1925 г.) переговоры полпреда Раковского в Лондоне, не возымели действия. Британский МИД неизменно переносил обсуждение вопроса в плоскость бесконечных юридических консультаций. В 1940-е гг., когда СССР и Великобритания выступали союзниками по антигитлеровской коалиции, ситуация, казалось бы, должна была измениться. Еще до окончания Второй мировой войны, 5 марта 1945 г., посол СССР в Лондоне вручил британскому правительству ноту с напоминанием о значительном числе недвижимостей в Палестине, принадлежавшем Российской Империи, и требованием дать указание Британскому Верховному Комиссару Палестины «о передаче в возможно короткий срок всего имущества, равно как и доходов, полученных от его эксплуатации, в ведение Советской Дипломатической

Holy Synod's jurisdiction as, in accordance with the Decree of January 23, 1918 on the Separation of Church and State, the said property was transferred to the ownership of the Russian State. And finally, the Russian Government asserts the same concerning personal and real property of the former Ministry of Foreign Affairs in Palestine and Syria (consulates' buildings, etc.).»⁶³

However, neither Krasin's note nor subsequent negotiations (in 1925) of the Russia's plenipotentiary Rakovsky in London bore much fruit. The British Ministry of Foreign Affairs consistently turned the discussion into endless legal consultations. It seemed that the situation could change in the 1940s when the Soviet Union and Great Britain joined the anti-Hitler coalition as allies. Before the World War II ended, on March 5 1945, the Soviet Ambassador in London presented a note to the British Government. The note reminded about considerable amount of properties in Palestine that belonged to the Russian Empire and demanded to order the British High Commissioner in Palestine "to transfer all properties, as well as income received from the use of said properties, to the jurisdiction of

Помещение
народной
трапезной на
Сергиевском
подворье

Interior of the
public refectory
of the Sergievsky
Hospice

Миссии в Египте»⁶⁴. К ноте был приложен «Список русского имущества в Палестине», включавший 35 объектов собственности — как консульской, государственной, так и принадлежавшей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Палестинскому Обществу. Тогда же, в марте, в Наркомате иностранных дел обсуждался вопрос о необходимости открытия советского консульства в Палестине⁶⁵.

Несмотря на неоднократные напоминания и на повторную советскую ноту от 17 сентября 1945 г., англичане, в преддверии приближавшейся уже «холодной войны», затягивали вопрос до самого окончания срока своего палестинского Мандата.

В последние месяцы перед провозглашением независимости Израиля, в условиях повсеместных военных столкновений между еврейскими и арабскими военизированными формированиями, все сильнее ощущалась неспособность британских мандатных властей овладеть ситуацией. Управляющий подворьями В.К. Антипов считал нужным в сложившейся ситуации переместиться на Александровское подворье, поручив управление и охрану Сергиевского подворья члену Совета ППО, исполняющему обязанности Секретаря Управления подворьями полковнику В.А. Самарскому. Для охраны Сергиевского подворья выдвигается еврейский

the Soviet Diplomatic Mission in Egypt as soon as possible.”⁶⁴ The “List of Russian Properties in Palestine” which included 35 property items — both consular, belonging to the State, and those belonging to the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem and to the Palestine Society, was attached to the note. Also in March, the Narkomat (Ministry) of Foreign Affairs considered whether it was necessary to open a Soviet Consulate in Jerusalem.⁶⁵

Despite multiple reminders and a repeated Soviet note dated September 17, 1945, in the onset of the “cold war” the British procrastinated on the issue until their Mandate for Palestine expired.

In the last months before Israel was declared an independent state, amidst widespread clashes between Jewish and Arab paramilitary groups, it became more and more obvious that the British Mandate authorities could not control the situation. Given the circumstances, Vasily Antipov, Administrator of the Hospices, decided to move to Alexandrovsky Hospice, charging Colonel V. Samarsky, the acting Secretary of the Hospices’ Administration, with control and protection of Sergievsky Hospice. A Jewish paramilitary unit advanced to protect the Hospice and in this regard, on March 17, 1948, Antipov sent an inquiry to the District Commissioner. The

Южный фасад и въездные ворота Сергиевского подворья. 2012 г.

Southern façade and transport gates of the Sergievsky Hospice. 2012

вооруженный отряд. По этому поводу В.К. Антипов направляет 17 марта 1948 г. запрос Окружному Комиссару. Заместитель Комиссара Л.Д.А. Барон ответил, что «отряд муниципальной полиции размещен у здания и несет охрану совместно с британской полицией».

Последующие рапорты и сообщения о развитии событий В.А. Самарский, оказавшийся, по его разумению, в состоянии осады, передавал В.К. Антипову через живших на Сергиевском и Вениаминовском подворьях ИППО русских женщин, пробиравшихся почти ежедневно под обстрелом ко Гробу Господню и за продуктами на базар в Старом Городе⁶⁶. В своем рапорте от 12 апреля 1948 г. В.А. Самарский сообщает: «... Доношу, что общая ситуация на Сергиевском подворье делается все невыносимее и опаснее: 1). Мое пребывание, как уже мне заявлено, на Сергиевском подворье мешает мерам охраны такового, почему мне предложено временно переселиться. После долгих переговоров мне разрешается, в случае <если> я буду проживать на Вениаминовском подворье, т.е. в еврейской части города, посещение ежедневно Конторы до 2 часов дня..., если же я буду проживать в арабской части города или в Елисаветинском подворье, то, безусловно, доступ в Контору будет мне закрыт, так как они желают полную изоляцию Сергиевского подворья и еврейской зоны во избежание могущаго быть шпионажа... 2). Охрану имущества

Потолочная роспись на Сергиевском подворье. 2009 г.

Ceiling painting of the ground floor of the Sergievsky Hospice. 2009

Commissioner's Deputy L.D.A. Baron replied that "a municipal police unit has been deployed near the building to guard it jointly with the British police."

As for later official reports and communications on the course of events, Samarsky who believed to be under siege, passed them to Antipov through Russian women — residents of Sergievsky and Veniaminovskiy Hospices, as they made their way under fire to the Holy Sepulchre or to the food market at the Old City.⁶⁶ Samarsky's official report dated April 12, 1948 informed: "... I report that the general situation at Sergievsky Hospice continues deteriorating and becomes more and more dangerous: 1) As I was notified already, my stay at Sergievsky Hospice interferes with security of the said hospice, that is why I received an offer to move out temporarily. After prolonged negotiations, I was granted permission to come to the Office daily until 2 p.m. <if> I stayed at Veniaminovskiy Hospice, i.e. in the Jewish part of town; however, I definitely won't be able to visit either the office or the Jewish part of town if I settle in the Arab quarters or at Elisavetinskiy Hospice since they want to completely isolate Sergievsky Hospice and the Jewish quarters for fear of espionage. 2) They claim to protect the property at the Office and in other buildings of the Society (yet, these claims are nothing but words and in reality everything will be stolen). The organization that conducts negotiations

Конторы и других помещений Общества они берут на свою ответственность (но это разговоры, а фактически все попытаются растащить). Организация, которая в настоящее время ведет переговоры и хозяйничает на Сергиевском подворье по-видимому коммунистическая и ко мне относится крайне враждебно и нетерпимо, хотя очень много русских евреев и среди них недавно прибывшие из Советской России... По-видимому они имеют связь с Советами и в их интересах все сохранить в целости в случае передачи. Это я усматриваю в том, что они интересуются всем имуществом и передали мне, чтобы я ничего не смел, под угрозой, выносить или передавать что-либо из Конторы (это было мне сказано уже 2 раза и последний раз мне удалось передать М. Силиной только 5 папок...)).

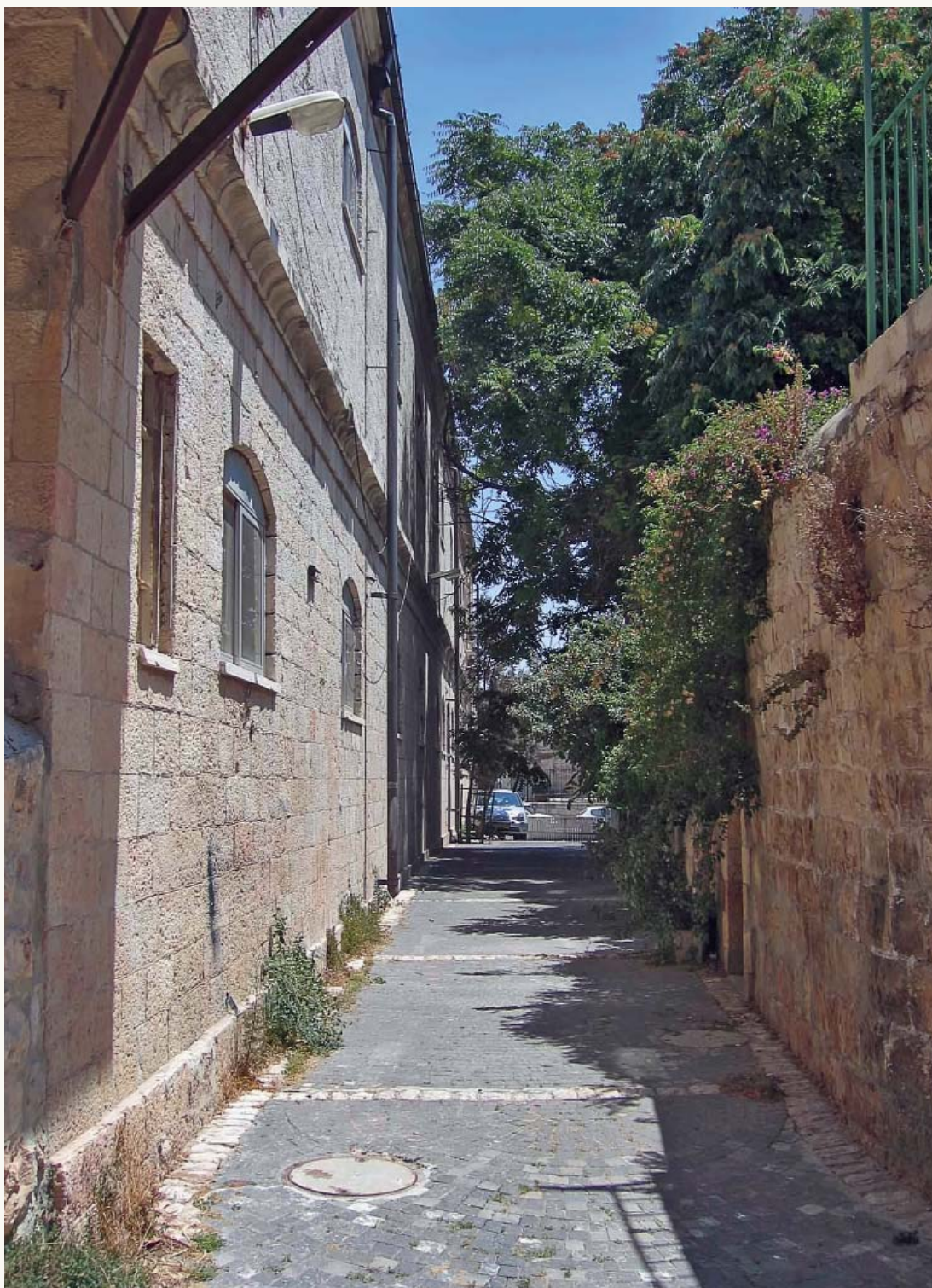
Последняя фраза свидетельствует о стремлении руководства ППО к возможно полной эвакуации архива. Представители еврейской охраны пытались препятствовать этому. Как жаловался В.К. Антипов 16 апреля 1948 г. Секретарю Администратора над Русскими Имуществами Марруму, «пребывающие там (на подворье. — Н.Л.) люди (имеются в виду представители еврейской охраны. — Н.Л.) не позволяют нам перевезти наши деловые папки, находящиеся все еще в нашем офисе. Не могли бы Вы каким-либо образом помочь нам в этом деле». Несмотря на строжайшие меры и проверки, женщины, старожилы подворий, единственным источником существования для которых годами было получаемое от Палестинского Общества пособие, вынесли по указанию Самарского с территории Сергиевского подворья царские портреты, знаменитый «сергиевский

and runs Sergievsky Hospice, apparently, is pro-communist; they treat me with hostility and impatience even though there is a lot of Russian Jews among them and some have arrived from the Soviet Russia only recently. It seems that they are in communication with the Soviets, so it is in their interests to preserve everything intact should the property be transferred. I have discerned that from their keen interest in all our property; besides, they warned me menacingly that I could not carry away or give out any items from the Office (they warned me twice already and the last time I could pass over to M. Silina only five files)."

The last phrase confirms the intention of the Palestine Society's senior management to evacuate the archive as completely as it was possible. Representatives of the Jewish security tried to prevent the evacuation. Vasily Antipov complained to the Secretary of the Administrator of Russian Properties Marroom on April 16, 1948: "People staying there (on the hospice premises. — N.L.) (he refers the Jewish security representatives. — N.L.) do not allow us to remove our files, which are still kept in our office. Could you somehow assist us in this matter." Despite the most tight security and checks, Sergievsky Hospice's permanent residents — women whose only source of income was the Palestine Society's allowance, on Samarsky's request removed from the hospice's premises portraits of Russian tsars, the Society's famous "Sergievsky banner", and a large quantity of files with current archive documents. Antipov transferred those items to

Jericho for safekeeping. Some documents and valuable items Samarsky moved to Veniaminovskiy Hospice.

According to Samarsky's official report, dated to April 26, "on Saturday (i.e. on April 24) Arab forces started bombarding Sergievsky Hospice at 3 p.m. The attack continued for an hour, then the bombarding resumed few times in the evening and at night. On Sunday, April 12/25, at 8 a.m., after a prolonged attack in the course of which both I and my wife suffered injuries and contusion from the broken glass, Sergievsky Hospice's security ordered us to leave the premises immediately. <...> The building's walls sustain multiple damages, doors and windows have been broken; everything has been trashed but all rooms have been locked and seals are intact."

On leaving Jerusalem, at the Society's senior management's request, the British administration attempted to issue an Order in Council providing for the administration of Palestine Society's properties and setting up the Administrators Office for that purpose. The Order's text would have been published by 'The Official Gazette' on April 1948 but for Haganah activists' who successfully deleted the document from already published newspaper copies and the Jewish leaders who repudiated the proposed Order.

In May 1948 it became obvious that British were leaving and the situation was changing radically. As a first step, under the agreement with the Soviet Ministry of Foreign Affairs, Y. Novak, Consul of Czechoslovakia, accepted the responsibility "to protect movable and immovable assets of the Russian Palestine Society, with the Board operating in the Soviet Union". At that time V. Antipov received Samarsky's official report: "... I am glad that you were not hurt and more or less safely moved to the excavations' site (i.e. to Alexandrovsky Hospice. — N.L.). For us, the situation was worse: two bullets showered us with glass chips and my wife was injured — fortunately, the injuries were light; as for me, a flake of stone hit me in the head... I was made responsible for all the hospices, and to execute all their endless orders, whether sensible or senseless, they appointed a supervisor over me — somebody by the name of Babich; only God knows who this Babich is and who appointed him."

Almost at the same time, on May 11, 1948, V. Samarsky sent a letter to Beirut, addressed to the Soviet Envoy in Syria and Lebanon. He wrote: "I have the honour to report that due to wartime situation and resulting anarchy in Jerusalem which some irresponsible people tried to use, squabbling and making troubles with the purpose of capturing and stealing the property of former Imperial Orthodox Palestine Society — as you may see from the attached copy of my appeal to the Jewish Government — and upon repeated consultations with

Западный фасад
Сергиевского
подворья. 2017 г.

Western façade
of the Sergievsky
Hospice. 2017

флаг» ИППО и большое количество папок с документами текущего архива. В.К. Антипов переправил это имущество на хранение в Иерихон. Какие-то документы и ценные вещи Самарский перенес в Вениаминовское подворье.

Как сообщалось в рапорте В.А. Самарского от 26 апреля, «в субботу (т.е. 24 апреля) в 3 часа дня начался обстрел Сергиевского подворья со стороны арабов, обстрел продолжался около 1 часа, затем обстрел повторялся несколько раз в течение вечера и ночи. В воскресенье 12/25 Апреля в 8 часов утра после продолжительного обстрела, когда я и моя жена были контужены и ранены осколками стекол, нам было предложено защитой здания Сергиевского подворья немедленно покинуть таковое. <...> Много повреждений на стенах здания, разбиты окна и двери и вообще погром, но внутри все помещения закрыты, печати все целы».

Британские власти, покидая Иерусалим, по просьбе руководства ППО попытались издать Указ об управлении имуществом ППО и учреждении Бюро Администраторов (Order in Council). Текст Указа должен был появиться 28 апреля 1948 г. в газете «Official Gazette», однако деятели Хаганы приняли меры по изъятию документа из уже напечатанного тиража газеты, а еврейское руководство не признало предполагавшегося закона.

В мае 1948 г. стало ясно, что британцы уходят и ситуация радикально меняется. Для начала, по соглашению с МИД СССР, «защиту движимой и недвижимой собственности, архивов и документов, принадлежащих Российскому Палестинскому Обществу, правление которого находится в СССР», согласился взять на себя генеральный консул Чехословакии Я. Новак. В эти дни В.К. Антипов получает рапорт от В.А. Самарского: «... рад, что Вы не пострадали и благополучно более или менее перебрались на Раскопки (т.е. в Александровское подворье. — Н.Л.), а мы прошли хуже. 2 пули осыпали осколками и поранили, к счастью, поверхностно, жену, а меня осколком камня ударило по голове... Всю ответственность по подворьям взвалили на меня, а для выполнения всех бесконечных их распоряжений, со смыслом или без такового, поставлен г. контролер надо мной — Бабич, но кто он, видит Бог, не знаю, и кто его уполномочил, неизвестно».

Практически одновременно, 11 мая 1948 г., В.А. Самарский направляет письмо в Бейрут, «Посланнику СССР в Сирии и Ливане». «Имею честь доложить, — писал Самарский, — что, будучи принужден обстоятельствами военного времени и наступившей анархией в Иерусалиме, пользуясь коей разные неответственные лица пытались устроить разного рода склоки и неурядицы для захвата и личной наживы путем расхищения имущества б<ывшего>

Фото Сергиевского подворья. 2008–2017 гг.

Photos of the Sergievsky Hospice. 2008–2017

Императорского Православного Палестинского Общества, как это видно из прилагаемой при сем копии обращения к Еврейскому Правительству. После неоднократных консультаций с Югославенским консулом, я, дабы сохранить от окончательного расхищения вышеуказанное имущество, обратился за защитой к представителям Еврейского Правительства Палестины, в которых нашел отзывчивое отношение к данному вопросу и которое сделало все возможное для принятия мер охранения имущества. Докладывая все вышеизложенное, полагаю, что это все временные меры, так как только законные представители СССР могут принять более эффективные меры и уберечь данное имущество Русского Народа от посягательств со всех сторон, почему я и обращаюсь к Вам с просьбой указания директив и мер охраны до приезда или самого приезда полномочных представителей СССР. Подлинный подписал: Секретарь Управления подворьями Православного Палестинского Общества в г. Иерусалиме В.А. Самарский»⁶⁷. Интересно, как резко меняется тон письма и, очевидно, само настроение Управляющего Русскими подворьями. (Письмо было направлено через представителя Еврейского Агентства И.Л. Рабиновича, Самарский не знал, что Рабинович не передал его по назначению).

14 мая 1948 г. Национальный совет еврейского государства провозгласил образование Государства Израиль. Советское правительство официально признало Израиль и его Временное правительство⁶⁸. 25 мая 1948 г. министр иностранных дел В.М. Молотов телеграфировал министру иностранных дел Израиля М. Шертоку о согласии Советского правительства на учреждение дипломатической миссии государства Израиль в Москве (во главе с посланником или поверенным в делах) и о готовности учредить

в Тель-Авиве Советскую миссию⁶⁹. В тот же день Самарский обращается с письмом к еще не назначенному (очевидно, информация обитателей Русских подворий ограничивалась газетными слухами) «полномочному представителю СССР в Палестине». «Представляя при сем копии моих писем, из которых ясно обрисовывается ситуация положения в Палестине по отношению имуществ б<ывшего> Императорского Православного Палестинского Общества и мое стремление охранить вышеуказанное имущество от хищений и разного рода вмешательств, с самыми разнообразными целями элемента, никакого отношения ни к Обществу, ни к делам его никогда и ничего не имеющего, — писал он, — прошу только одного, а именно скорейшего контакта с непосредственными представителями законных владельцев в лице уполномоченных лиц Советского Правительства»⁷⁰. К письму было приложение (10 листов переписки). На копии документа, внизу, примечание рукой Самарского: «Настоящее письмо, ввиду полной отрезанности Иерусалима, не могло быть отправлено по назначению, тем более, что выяснилось, что все окольные пути не достигли цели, и письма, видимо, не достигли цели, хотя и посылались через «надежных лиц»⁷¹.

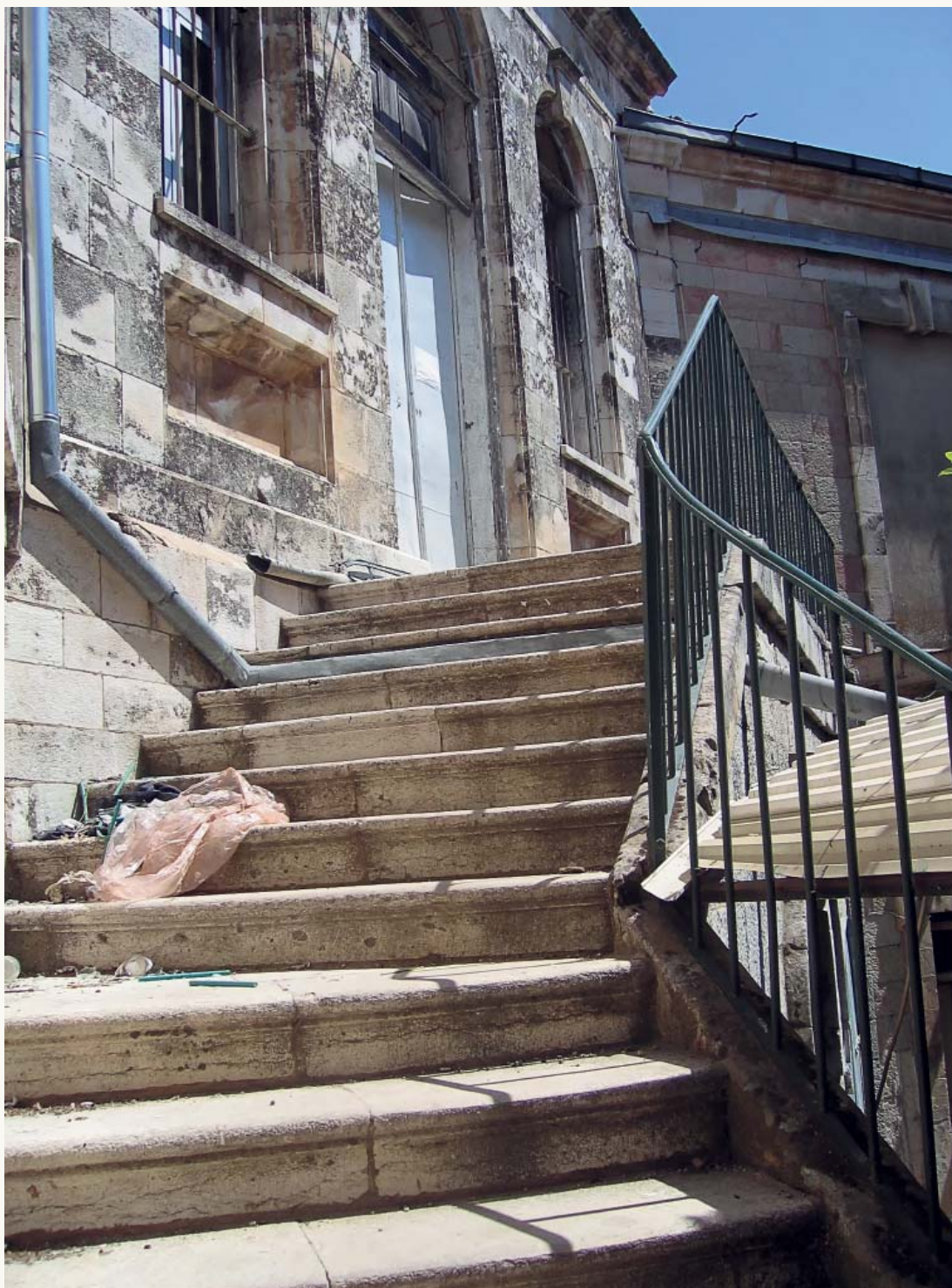
2 июня Самарский передал на хранение в сейф британского Барклейс-Банка 49 папок с документами, включая 22 папки с владельческими документами на участки земли, подворья и другие объекты русской недвижимости в Святой Земле (в том числе 82 листа документов и 1 план по Сергиевскому подворью), и 27 папок с контрактами на аренду объектов ИППО, заключенных в годы Британского мандата⁷². В настоящее время эти документы хранятся в Государственном архиве Израиля.

20 июня Самарский докладывает уполномоченному по делам Русских имуществ в Палестине И.Л. Рабиновичу: «Имею честь доложить, что сего числа, посетив Сергиевское подворье, я нашел, что почти все печати и пломбы сорваны, замки взломаны, а другие носят ясные следы неудачного взлома, двери разбиты и т.д. Путем опроса выяснилось, что в пятницу (Самарский пишет в субботу), после моего посещения и осмотра всех замков и печатей подворья, около 3 часов (сторож, раздающий воду по бонам городской Иерусалимской Управы, часов не имел) прибыл какой-то русский, который и осматривал и пытался открыть двери и окна. Так как этот тип объявил себя русским, то находящиеся в здании евреи ему не препятствовали, и он ничего не мог вынести только потому, что ему не удалось открыть замки. Опись данного человека весьма неопределенна и крайне разноречива, но все-таки можно было установить, что был [он] еще молод, без шляпы и т.д. Ввиду того, что я уже неоднократно писал

Yugoslavian Consul, I requested protection from the Jewish Government of Palestine to prevent the total despoilment of the abovementioned property. They responded favourably to my appeal and did everything in their power to protect the property. On reporting the abovementioned facts, I realize that all efforts that have been undertaken until now, provide only temporary relief and only lawful representatives of the Soviet Union can take more efficient measures to prevent any attempts to encroach upon the property that belongs to the Russian People. That is why I ask you to advise on directions and security measures until the authorized Soviet representatives arrive and on the said arrival as well. The original document was signed by the Secretary of the Administration of the Russian Orthodox Palestine Society's Hospices in Jerusalem V. Samarsky.»⁶⁷ It is interesting how the letter reflects sudden change of mood and, apparently, of the attitude of the Hospices' Administration Secretary. (Samarsky sent his letter with I. Rabinovich, a representative of the Jewish Agency; however, he was unaware of the fact that Rabinovich did not deliver the letter to the addressee.)

On May 14, 1948 the National Council of the Jewish State declared the Establishment of the State of Israel. The Soviet Union officially recognized the new state and its Interim Government.⁶⁸ On May 25, 1948 Minister of Foreign Affairs Vyacheslav Molotov sent a telegram to his Israeli counterpart Moshe Shertok to notify him on the Soviet Government's consent to open an Israeli diplomatic mission in Moscow (headed by an envoy or charge d'affairs) and to open a Soviet mission in Tel-Aviv.⁶⁹ On the same day, Samarsky wrote a letter to the "Plenipotentiary Envoy of the Soviet Union in Palestine" who had not yet been appointed (apparently, the information that Russian hospices' residents received was restricted to newspaper gossip). The letter said: "Upon submitting herewith copies of my letters that explicitly describe the situation with regard to property of the f<ormer> Imperial Orthodox Palestine Society and my intention to protect the abovementioned property from being despoiled or encroached upon by different persons who have no connections with the Society and have not been involved in any of the Society's affairs, I have only one request: to contact direct representatives of legal owners in the person of Soviet Government's plenipotentiaries."⁷⁰ Ten pages of correspondence were attached to the letter. On the document's copy, below, there is a note in Samarsky's handwriting: "Given the complete isolation of Jerusalem, this letter could not be delivered to the addressee — especially when it transpired that all roundabout ways proved inefficient and the letters, most likely, did not reach the addressees despite that fact that they had been sent with 'reliable people.'"⁷¹

On June 2, Samarsky deposited with Barclays Bank 49 files with documents, including 22 files with title deeds for lands, hospices and other Russian property items in the Holy Land (those included 82 document pages and one layout of Sergievsky Hospice), and also 27 files with agreements on the lease of the Imperial Orthodox Palestine Society's property signed during the British Mandate period.⁷² Today these documents are kept in the State Archive of Israel.

On June 20, Samarsky reported to I. Rabinovich, an Authorized Representative for Russian Properties in Palestine: "I have the honour to report that having visited Sergievsky Hospice today, I discovered that all seals including tamper seals had been broken, some locks had been forced open and others sustained damage resulting from unsuccessful attempts to open them, the doors were damaged, etc. Upon inquiry, it transpired that after my visit and examination of all locks and seals on the hospice's premises, around 3 p.m. (the warden responsible for distributing water on bonds issued by the Jerusalem Municipal Council did not have a watch) there came a Russian man who checked and tried to open doors and windows. Since he claimed to be a Russian, the Jews at the building did not stop him; and he could not remove anything only because he was unable to open the locks. A description of that person is very vague and contradictory; what is clear, however, [he] was obviously young, did not wear a hat, etc. Given that I repeatedly wrote and personally pointed out at the lack of any security at Sergievsky Hospice and at the fact that irresponsible people, having a free access to the premises due to the lack of security, all the time attempted to despoil the Russian property, and given that you personally promised to provide the security, I ask you again to promptly assign guards to watch over and protect this building. Three men would suffice to guard it and lock the doors — in other words, to prevent needless and unauthorized access to the premises and most importantly,

и лично указывал на отсутствие охраны Сергиевского подворья и что все время пытается расхищать русское имущество разного рода неотвественный элемент, свободно посещающий здания, так как нет никакой стражи и охраны, и что Вы лично обещали принять меры, дабы установить охрану имущества, — то еще раз прошу неотложно сделать все возможное для того, чтобы кто-нибудь следил и охранял это здание. Для этого достаточно 3 человек всего, которые бы и несли стражу, запирали ворота и, словом, не пускали никого без нужды и пропусков, а главное оберегали от подобного рода визитеров. Я полагаю, что если почему-либо нельзя воспользоваться бесплатной охраной, то можно бы было даже оплачивать из средств Общества, во всяком случае это будет дешевле, чем систематическое расхищение имущества Общества»⁷³.

Однако, никаких мер принято не было, и 1 июля 1948 г. Самарский пишет начальнику Центральной полиции г. Иерусалима: «В дополнение к имевшемуся нашему разговору с Вами и г. И. Рабиновичем, уполномоченным по Русским имуществам в Палестине при Еврейском Правительстве, имею честь сообщить следующее: «Сего 1 июля, в 9 часов утра, я нашел двери в контору Православного Палестинского Общества открытыми, хотя вчера, 30 июня, в 2 часа дня, сам собственноручно запер 2 замка и наложил сургучную печать, кроме того, дверь в мою личную квартиру, находящуюся там же, при конторе, насильственно открыли, но в квартиру не могли проникнуть». При осмотре в конторе хищений больших нет, не хватает только полотенца, веника и совка для сора, а также исчез кусок стирального мыла (хозяйственные предметы, необходимые в настоящее время).

Сегодня же, 1 июля, в 1 час 50 минут, один из полицейских, проживающих в доме напротив конторы, видя, что двери закрыты, нимало не смущаясь, взял большой кусок железа и преспокойно начал ломать двери, просунув это железо в промежуток между дверями и стараясь или сломать, или согнуть засовы. На мой оклик он бросил железо и быстро ушел, вернее убежал, по-видимому не ожидая встретить людей в конторе, так как незадолго перед этим ставни окон и двери я закрыл собственноручно.

Исходя из вышеизложенных фактов, нахожу, что охраны здания нет никакой и поэтому происходят описанные выше явления»⁷⁴.

protect the building from such-like 'guests'. I think that if we cannot use gratuitous services for whatever reasons, guards can be paid from the Society's money and in this case the Society will suffer less losses than when its property is plundered regularly.”⁷³

However, no measures have been taken, and on July 1, 1948 Samarsky wrote to the Chief of Jerusalem Central Police: “In addition to the last conversation with you and I. Rabinovich, a Jewish Government's Authorized Representative for Russian Properties in Palestine, I have the honour to report that ‘On July 1, at 9 a.m., I have discovered the doors of the Orthodox Palestine Society's office opened although yesterday, on June 30, at 2 p.m., I personally secured them with two locks and a wax seal; moreover, the door to my apartment located on the same premises as the office was forced open but they could not break into the apartment.’ As for the office, its inspection has not revealed any significant larceny — only a towel, a broom and a dustpan are missing; also a piece of household soap has disappeared (all these are household items indispensable now)..

Today, on July 1, at 1:50 p.m., one of policemen — residents of the house that faces the office — saw that the doors were locked, not a bit embarrassed, took a large iron bar and deliberately started breaking them, pushing the bar into the space between the doors in attempt to either force them open or bend the locking bolts. When I challenged him, he dropped the bar and quickly walked — or more precisely, ran away; obviously, he did not expect anybody to be at the office given that shortly before I had shuttered the windows and closed the doors myself.

Given the abovementioned facts, I conclude that no security for the building has been provided that is why the above incidents have taken place.”⁷⁴

Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Государстве Израиль в 2007–2011 гг. П.В. Стегний на Сергиевском подворье

Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of Russian Federation in the state of Israel in 2007–2011 P.V. Stegnyy in the Sergievsky Hospice

Наконец, 5 июля Самарский сообщает: «Имею честь доложить, что согласно указаниям г. начальника полиции Рабиновича мною организована охрана здания Сергиевского подворья следующим образом:

1. В помещении конторы в течение 24 часов непрерывно находится кто-либо из служащих конторы посменно: я, секретарь управления Подворьями В.А. Самарский, постоянный рабочий Максим Родионов или рассыльный Роман Домбровский.

2. Полицейский патруль, согласно распоряжения начальника полиции, через известное время навещает подворье, проходя мимо по улице.

3. Закрытием ворот подворья и контролем лиц, стремящихся проникнуть на подворье»⁷⁵.

30 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР выдал верительную грамоту Чрезвычайному и Полномочному Посланнику СССР в государстве Израиль Павлу Ивановичу Ершову. 17 августа 1948 г., в день вручения Посланником верительной грамоты премьер-министру и главе Временного правительства государства Израиль Бен-Гуриону, Самарский направляет Ершову приветственное послание:

«Господин Министр!

Позвольте мне от лица Православного Палестинского Общества, вокруг которого объединены почти все, чувствующие себя русскими, — приветствовать в Вашем лице представителя нашей дорогой и любимой Родины, которая под мудрым управлением Великого Кормчего, несравненного Иосифа Виссарионовича Сталина достигла такой славы и значения в мировой семье демократическо-свободолюбивых народов. Ждем с нетерпением в несчастном, осажденном англо-арабскими фашистами Иерусалиме тот счастливо-радостный момент, когда мы все лично поднесем, по обычаю старорусскому, представителю Великого Союза хлеб и соль с теплосердечными пожеланиями и приветствиями нашей незабвенной Родине и ее Колоссу-Вождю»⁷⁶.

Но вернемся к вопросу о возвращении Советскому Союзу собственности, принадлежавшей до революции Палестинскому Обществу. Назначенный 20 мая 1948 г. «уполномоченным по делам русского имущества на

And finally, on July 5 Samarsky wrote: “I have the honour to report that in accordance with the Police Chief Rabinovich’s orders, I have undertaken the following steps to provide security for Sergievsky Hospice:

1. To ensure that in 24 hours somebody is always present at the office, the employees: V. Samarsky, Secretary of the Hospices’ Administration — that is, myself; Maxim Rodionov, a regular worker; and Roman Dombrovsky, a courier, are to take shifts.

2. In accordance with the Police Chief’s orders, a police patrol is to visit the hospice at fixed intervals when passing by.

3. The hospice’s gates are to be closed and access to the premises controlled.”⁷⁵

On June 30, 1948 the Presidium of the USSR Supreme Council issued credentials to Pavel Yershov, the USSR Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in Israel. On August 17, 1948 — the day when Pavel Yershov had to present his credentials to the Prime Minister and Head of the Interim Government of Israel David Ben-Gurion, Samarsky greeted him with a letter:

“Dear Minister,

On behalf of the Orthodox Palestine Society that unites almost all people who identify themselves as Russians, allow me to welcome you as a representative of our dear and beloved Motherland which, wisely headed by the Great Governor Joseph Stalin, has acquired a highest reputation and standing among democratic and freedom-loving nations. We, residents of desolate Jerusalem, besieged by Anglo-Arab fascists are waiting impatiently for this happy and joyful day when we will be able to warmly welcome the representative of the Great Soviet Union in accordance with the old Russian tradition and convey our greetings to our unforgettable Motherland and to her Great Leader.”⁷⁶

But let’s get back to the issue of returning the Palestine Society’s property to the Soviet Union. I. Rabinovich, appointed on May 20, 1948 an “Authorized Representative for Russian Properties on the Israeli Territory”, according to V. Samarsky, from the very start “did everything in his power to transfer the property to the Soviet Union.”⁷⁷ Immediately

территории Израиля» И. Рабинович с самого начала, по его словам, «делал все возможное для передачи его Советскому Союзу»⁷⁷. Сразу после обмена посланниками, российской стороной были приняты меры к возрождению деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и Российского Палестинского Общества. В письме заместителя Министра иностранных дел СССР В.А. Зорина на имя председателя Комитета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карпова от 10 сентября 1948 г. указывалось: «Учитывая сложившуюся в Иерусалиме обстановку, посланник т. Ершов внес следующее предложение: 1. Назначить и в ближайшее время прислать начальника Русской Духовной Миссии от Московской Патриархии, а также представителя Русского Палестинского Общества (sic!), выдав им соответствующие правовые полномочия и доверенности для принятия и управления имуществом. <...> 2. В целях сохранения оставшихся архивов Духовной Миссии и Палестинского Общества от возможного уничтожения или расхищения передать все документы на хранение в Англо-Палестинский банк или вывезти их под охраной еврейских властей в Тель-Авив на хранение в нашей миссии. МИД СССР с предложениями т. Ершова согласен. Прошу вас принять необходимые меры»⁷⁸.

Еще раньше, чем прибыли в Иерусалим советские дипломаты и представители Московского Патриархата, члены Совета Администраторов и Управляющий подворьями сочли за лучшее покинуть новосозданное государство Израиль. В последний день, когда Иордания еще принимала беженцев, начальник Русской Духовной Миссии юрисдикции РПЦЗ архимандрит Антоний (Синькевич) прибыл в Амман. Здесь его и сопровождавших лиц разместили в британской школе. 29 июля 1948 г. он сообщил В.К. Антипову, что пытается получить визы в Египет для своей группы, в которую включил и самого Василия Константиновича с супругой Верой Васильевной. Из Аммана 7 августа 1948 г. он направляет доклад о ситуации в Иерусалиме Первоиерарху РПЦЗ, митрополиту Анастасию (Грибановскому), просит о заступничестве у проживавшей в Александрии великой княгини Милицы Николаевны. В связи с отсутствием у английского начальства цензора, знающего русский язык, корреспонденция велась на английском.

«После моего освобождения, — писал Антоний, — я узнал, что г-н Антипов переехал в Иерихон и что новый британский консул поселился в большом здании у Дамасских ворот. <...> Теперь это место находится в центре передовой линии арабской зоны, куда невозможно добраться во время военных действий и с трудом во время перемирия... Я направился в Иерихон, чтоб встретиться с

after the exchange of envoys, the Russian party took action to resume the activities of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem and of the Palestine Society. In his letter to the Chairman of the Committee on the Russian Orthodox Church's Affairs of the USSR Council of Ministers Georgiy Karpov, dated September 10, 1948 Valerian Zorin, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Soviet Union, wrote: "Having considered the situation in Jerusalem, Envoy Yershov suggested the following: 1. Chief of the Russian Ecclesiastical Mission should be appointed and shortly sent there on behalf of Moscow Patriarchate, together with a representative of the Russian Palestine Society (sic!); they should be granted legal authority and powers of attorney to receive and manage the property. <...> 2. To save the survived archive of the Ecclesiastical Mission and of the Palestine Society from threatened destruction or plundering, all documents should be deposited with the Anglo-Palestine Bank or transferred to Tel-Aviv under guardianship of the Jewish authorities to be kept at our Mission. The Soviet Ministry of Foreign Affairs accepted Yershov's proposals. I would ask you to take the necessary action." ⁷⁸

However, even before Soviet diplomats and representatives of Moscow Patriarchate arrived to Jerusalem, members of the Administrators' Board and Administrator of the Hospices decided it would be better for them to leave the newly formed State of Israel. On the last day when Jordan was still accepting refugees, Archimandrite Antony (Sinkevich), Chief of the Russian Ecclesiastical Mission under the Jurisdiction of the Russian Orthodox Church Abroad, arrived to Amman. He and his companions were lodged at the British school.

On July 29, 1948 he informed Vasily Antipov that he was trying to obtain visas to Egypt for his group that included Antipov and his wife, Vera. From Amman, on August 7, 1948, he sent a report on the situation in Jerusalem to the First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad Metropolitan Anastasy (Gribanovsky) and asked the intersession of Grand Duchess Militsa Nikolaevna who resided in Alexandria. Since the British Administration did not have a Russian-speaking censor, all correspondence had to be done in English.

Antony wrote: "After my release, I found out that Mr. Antipov had moved to Jericho and that the new British consul occupied a large building at the Damascus Gate. <...> Currently this place is right at the forefront of the Arab zone and once military operations start, it is impossible to get there; even during a ceasefire the place is hard to reach... I have visited Jericho to meet with Mr. Antipov and he is sure that the consul cannot give us a straight answer until the general situation in Palestine will not become more clear. Mr. and Mrs. Kruglov ⁷⁹

Заместитель
Председателя
ИППО
Н.Н. Лисовой
во дворе
Сергиевского
подворья. 2012 г.

Deputy Chairman
of the Imperial
Orthodox
Palestine Society
N.N. Lisovoy
in the yard of
the Sergievsky
Hospice. 2012

г-ном Антиповым. <...> Г-н Антипов уверен, что консул не в состоянии дать нам конкретный ответ до тех пор, пока общая ситуация в Палестине не прояснится. Г-н и г-жа Кругловы⁷⁹ переехали из Иерусалима через Амман в Каир. Г-н и г-жа Староскольские (он работал в ППО и жил в Русском доме на Раскопках) недавно переехали в Бейрут. После отъезда двух вышеупомянутых семей были осуществлены три попытки захватить наши Раскопки о. Вениамином и некоторыми просоветски настроенными русскими. Антипову пока удалось это предотвратить».

Усилия советских дипломатов по возвращению российского достояния продолжались. 3 февраля 1949 г. заведующий отделом загранимущества Управления делами МИД Прохоров (инициалы в документе отсутствуют) представляет руководству справку «К вопросу приобретения недвижимого имущества в Палестине, Сирии и Ливане». В справке перечислен 51 объект российской собственности, с кратким указанием сведений о времени приобретения, размерах и способе закрепления за Россией каждого участка. Автор справки считал, что «трудно сказать, какое из этого имущества в Палестине, Сирии и Ливане было переоформлено за Палестинским Обществом, Духовной Миссией или русским государством»⁸⁰.

17 мая 1949 г. временный поверенный в делах СССР в Израиле М.И. Мухин вновь ставит перед Восточно-европейским департаментом МИД Израиля вопрос об ускорении процедуры, указывая на отрицательные последствия, связанные с неурегулированностью вопроса. Израильские чиновники отвечали, что «предложение об отмене указов, введенных в период <Британского> мандата, уже внесено Юридическим департаментом в повестку дня правительства. Как только указы будут отменены, мы вернемся к этой проблеме»⁸¹. 8 августа того же года атташе миссии СССР в Израиле А.С. Семиошкин в секретном отчете о поездке в Назарет и Тиверию, совершенной им совместно с начальником РДМ архимандритом Леонидом, перечислив объекты русской недвижимости в Галилее, высказывает весьма интересное предложение: «Православные арабы всегда смотрели на Россию как на защитницу, и во время посещения Назарета архимандритом Леонидом они убеждали его возобновить русскую деятельность в смысле открытия школ и в более широком смысле защиты христиан. Наши интересы требуют, чтобы после получения имущества Палестинского Общества часть его доходов шла на дело образования среди арабов, т.к. здесь имеется очень благоприятная почва для углубления симпатий арабов к СССР»⁸².

В декабре 1949 г. израильское правительство предпринимает попытку политической «увязки» вопроса

Н.Н. Лисовой
осматривает
интерьеры
Сергиевского
подворья. 2012 г.

N.N. Lisovoy
observes interiors
of the Sergievsky
Hospice. 2012

о российской собственности с поддержкой Советским Союзом израильской позиции в поднятом ООН вопросе об установлении международного контроля над Иерусалимом. «Израильские власти, — заявил временный поверенный в делах Израиля в СССР А. Левави, — создали все условия для того, чтобы была установлена тесная связь между Русской Церковью и ее имуществом в Палестине, чего не могло бы быть в случае прихода в Иерусалим международных органов... причем не исключена потеря для СССР этого имущества. В то же время русское имущество

have relocated from Jerusalem to Cairo via Amman. As for Mr. and Mrs. Staroskolsky (he was employed by the Palestine Society and lived at the Russian House near the Excavations' site), they have moved recently to Beirut. After those two families left, Father Veniamin and some pro-Soviet Russians have made three attempts to occupy our Excavations' site. Until now Antipov has been successful in preventing those attempts."

The Soviet diplomats still strove to retrieve the Russian legacy. On February 3, 1949 Mr. Prokhorov (his initials have been mentioned in the document) who headed the Division of Property Located Abroad at the Ministry of Foreign Affairs' Administration and Services Department submitted to his superiors an official document entitled "On the Purchases of Real Property in Palestine, Syria, and Lebanon". The document listed 51 Russian property items, with brief information on the date of purchase, size, and title details for every item. The document's author considered that "it was difficult to determine which of the property items located in Palestine, Syria, and Lebanon had been transferred to the ownership of the Palestine Society, of the Russian Ecclesiastical Mission, or of the Russian State."⁸⁰

On May 17, 1949 M. Mukhin, temporary Chargé d'Affaires of the USSR in Israel, again requested the East European Department of Israeli Foreign Ministry to facilitate the

Потолочная роспись народной трапезной на Сергиевском подворье. 2012 г.

Ceiling painting of the public refectory of the Sergievsky Hospice. 2012

в Палестине является важным экономическим и политическим фактором, ибо еще в 1939 г. оно оценивалось в 18 миллионов фунтов стерлингов»⁸³. В секретной справке от 19 апреля 1950 г. сотрудники МИД СССР констатируют: «Израильское правительство затягивает передачу нам нашего имущества в Израиле и защищает незаконные действия своих официальных властей, захвативших часть объектов»⁸⁴.

Особой сложностью отличался вопрос о правопреемстве Советского Союза и Российского Палестинского Общества при АН СССР (так называлось ИППО в советские годы) в отношении дореволюционных недвижимостей Палестинского Общества. В феврале 1952 г., когда посланник П. И. Ершов вновь напомнил министру иностранных дел Израиля М. Шаретту о проблеме российского имущества, «Шаретт весьма болезненно реагировал на его заявление и по окончании чтения его высказал два замечания: 1) <дипломатическая — Н.Л.> миссия СССР, по его мнению, не учитывает местного законодательства, которое защищает права арендаторов»⁸⁵; 2) правительству Израиля не известно, вправе ли оно решать этот сложный вопрос о передаче имущества. Имеются мнения о том, что вопрос о русском имуществе следует передать на решение судебных властей»⁸⁶.

Несмотря на возражения советской стороны, считавшей, что «вопрос об имуществе является совершенно

procedure, pointing out to negative consequences should the issue remain unsettled. The Israeli officials replied that “the Legal Department already included the proposal to annul orders issued during the <British> Mandate period into the Government’s agenda” and promised to “return to the problem once the orders were annulled.”⁸¹ On August 8 of the same year, Attache of the Soviet Mission in Israel Alexander Semioshkin proposed an interesting solution in his confidential report on the trip to Nazareth and Tverya where he went together with Chief of the Russian Ecclesiastical Mission Archimandrite Leonid. Recounting Russian property in Galilee, Semioshkin wrote: “Orthodox Arabs always saw Russia as their defender, and during Archimandrite Leonid’s visit go Nazareth, they tried to convince him to reinstate Russia’s presence in the region — namely, to reopen schools and more generally — to protect Christians. It is in our interests that upon receiving the Palestine Society’s property, some part of income from the said property would be invested into educational programs for Arab population as here we have an excellent opportunity to foster greater affection for the Soviet Union among Arabs.”⁸²

In December 1949, the Israeli Government attempted a political linkage, using the Russian property as means to ensure the Soviet Union’s support of Israeli standing on the UN proposal to establish international control over Jerusalem. As temporary Chargé d’Affaires of Israel in the Soviet Union Arie Levavi stated: “The Israeli authorities have provided all conditions to facilitate close connection between the Russian Orthodox Church and its property in Palestine and it could never happen if international bodies controlled Jerusalem...; in such case, the Soviet Union may even lose this property. At the same time, the Russian property in Palestine is considered an important political and economic factor as its value was estimated at 18 million sterling pounds even back in 1939.”⁸³ In a classified document dated April 19, 1950 employees of the Soviet Ministry of Foreign Affairs wrote: “The Israeli Government procrastinates on transferring to us our property in Israel and defends illegal actions of their official bodies that misappropriated some of the property items.”⁸⁴

The issue of legal succession of the Soviet Union and the Russian Palestine Society of the Academy of Sciences (as the Imperial Orthodox Palestine Society was called in the Soviet period) in respect of properties owned by the Palestine Society before the revolution was particularly complex. In February 1952, the Soviet Envoy Pavel Yershov reminded the Israeli Foreign Minister Moshe Sharett about the problem of Russian property and “Sharett obviously overreacted to Yershov’s statement, and once the statement was read, he made two remarks: 1) In his

Документы
из архива
Сергиевского
подворья. 2012 г.

Documents of
the archive of
the Sergievsky
Hospice. 2012

Шаретта, сослаться на Вашу беседу с ним 24 февраля и его обещание, указать на продолжающиеся случаи самоуправства в отношении советского имущества и еще раз потребовать ускорения передачи всего советского имущества его законным владельцам: миссии СССР, представителю РПО и РДМ»⁸⁷. Когда, 29 апреля, Ершов пришел на долгожданную встречу с Шареттом, израильский министр иностранных дел вручил ему ноту, которая надолго поставила точку в переговорах о русской собственности.

«Относительно перевода на имя Российского Палестинского Общества при Академии Наук СССР имущества, зарегистрированного в Кадастровых Книгах на имя Императорского Православного Палестинского Общества, — говорилось в документе, — Министерство Иностранных Дел имеет честь сообщить Миссии СССР в Израиле решение Правительства Израйля, согласно которому таковой перевод обуславливается получением предварительного постановления компетентного израильского Суда о законной преемственности этих двух обществ. Вышесказанное относится также к имуществу, зарегистрированному на имя бывшего Великого Князя Сергея. Для того, чтобы произвести исправление в Кадастровых Книгах с целью перереги-

ясным и правительство Израйля должно передать имущество его законным владельцам, т.е. миссии СССР и Российскому Палестинскому Обществу», вопрос был действительно передан на рассмотрение в судебные инстанции. 19 апреля 1952 г. заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин телеграфирует посланнику Ершову: «Вам необходимо посетить

страции этого имущества на имя Правительства СССР, потребуется доказать перед компетентным израильским Судом, что это имущество было в сущности правительственным имуществом»⁸⁸. В 1952 году решением иерусалимского суда здание Сергиевского подворья до «окончательного выяснения прав собственности» было передано генеральному опекуну Израйля.

opinion, the Soviet <Diplomatic — N.L.> Mission does not take into consideration local laws that protect tenants' rights;⁸⁵ 2) The Government of Israel is not sure whether it has a right to make a decision on this complex issue of property transfer. Some government members are of the opinion that the issue of Russian property should be judged by a relevant court.»⁸⁶

The Soviet party objected to such a solution as it considered that “the question of property is a rather straightforward matter and the Government of Israel has to transfer the property to legal owners, i.e. to the Soviet Mission and the Palestine Society. Objections regardless, the question was referred to court for consideration. On April 19, 1952 Valerian Zorin, Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR, sent a telegram to Envoy Yershov: “You have to see Sharett and, referring to your conversation with him of February 24 and to his promise, point out at the unsanctioned actions taken in respect of Soviet property; once again you have to request facilitation of all Soviet property's transfer to the legal owners — the Soviet Mission, the representative of Russian Orthodox Church and the Russian Ecclesiastical Mission.”⁸⁷ However, when on April 29 Ershov arrived for a long-awaited meeting with Sharett, the Israeli Foreign Minister presented to him a note which put negotiations on the Russian property to rest for a long time.

The note stated: “As for the transfer of property which has been registered in the cadastres in the name of the Imperial Orthodox Palestine Society, to the Russian Palestine Society of the Academy of Sciences, the Ministry of Foreign Affairs has the honour to notify the Soviet Mission in Israel on the decision taken by the Government of Israel. In accordance with this decision, the said transfer depends upon a preliminary ruling of the relevant Israeli court on the legal succession of the two abovementioned Societies. The aforementioned refers to the property registered in the name of the former Grand Duke Sergey as well. To amend the cadastres, re-registering the said property in the name of the Soviet Government, a relevant Israeli court must receive evidence to prove the fact that the said property was indeed Government-owned.”⁸⁸ Following the Jerusalem Court's decision, in 1952 the Custodian General of Israel took charge over the Sergievsky Hospice's building “until the property rights were finally established”.

Once the first Israeli-Arab war of 1948–1949 ended, a demarcation line between Israeli and Jordanian territories' (in accordance with the truce terms) divided the destiny of Russian churches and monasteries located in different, Eastern and Western, parts of the country. Churches and lands located on the Israeli territory were transferred to the ownership of the Soviet Government; as for churches, monasteries and lands that in 1948 were on the territories which

После того, как завершилась первая израильско-арабская война 1948–1949 гг., демаркационная линия между территориями Израиля и Иордании (по условиям перемирия) обозначила различное «пространство судьбы» для русских храмов и монастырей на западе и востоке страны. Храмы и участки, оказавшиеся на территории государства Израиль, были возвращены в собственность Советского правительства. Что касается храмов, монастырей и участков, оставшихся в 1948 году на территориях, отошедших к Иордании, они сохранили принадлежность Русской Православной Церкви за рубежом и/или зарубежному Православному Палестинскому Обществу — status quo, не изменившийся и после Шестидневной войны 1967 года.

Реальную повседневную работу по управлению не только Сергиевским подворьем, но и всеми недвижимостями Палестинского Общества до 1951 г. по-прежнему вел В.А. Самарский. Денежные суммы за аренду и прочее не поступали в кассу Общества, но отчеты по ним, главным образом налоговые, снова же приказным образом, обязан был делать В. А. Самарский. Тем более, что, как оказывается, имущества числились за разными представительствами.

«1 апреля 1951/

Чрезвычайному и Полномочному Посланнику Союза Советских Социалистических Республик в Израиле

Согласно выраженному Вашему приказанию, имею честь представить, окончательно, выравненные налоги следуемые к уплате на имущества:

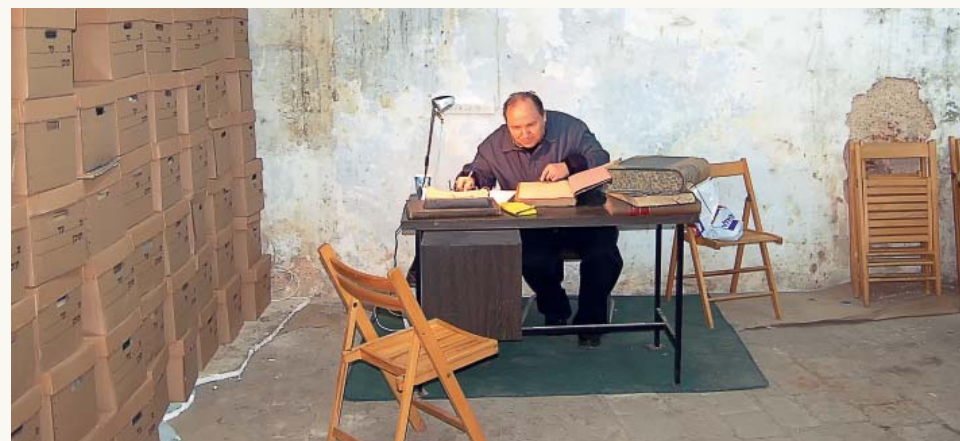
- 1) Русского Православного Палестинского Общества (sic!)
- 2) Имущества, перешедшие в ведение СССР
- 3) Имущества Русской Духовной Миссии
- 4) Имущества Консульства СССР.

Секретарь Управления

Русского Православного Палестинского Общества

В.А. Самарский».

К письму приложен список, из которого явствует, что из имущества ППО правительству СССР «перешли» здание, сад и сторожка Елизаветинского подворья; здание, сад и бараки Мариинского подворья, Русская больница и амбулатория. За Палестинским Обществом сохранились Сергиевское, Николаевское и Вениаминовское подворья.

became part of Jordan, those remained under the jurisdiction of the Russian Orthodox Church Abroad and/or the Orthodox Palestine Society in Exile, and the status quo did not change even after the Six Day War of 1967.

As for actual, day-to-day management of both Sergievsky Hospice and all Russian properties owned by the Palestine Society, V. Samarsky continued discharging those functions until 1951. Despite the fact that the Society did not receive any income, either from the rent of property or from any other source, Samarsky, by order, still had to report the income — mostly, file tax reports. Moreover, as the case stands, these properties were registered in the names of different organizations.

“April 1, 1951/

To Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the Union of Soviet Socialist Republics in Israel

Following Your expressed orders I have the honour to present the final report on the equated taxes to be paid on:

- 1) The property of the Russian Orthodox Palestine Society (sic!);
- 2) The property transferred to the jurisdiction of the Soviet Union;
- 3) The property of the Russian Ecclesiastical Mission;
- 4) The property of the Soviet Consulate.

Secretary of the Administration

of the Russian Orthodox Palestine Society,

V. Samarsky.”

A list attached to the letter clearly shows that of the Palestine Society’s property, Elisavetinsky Hospice’s building, garden and gatehouse, together with Mariinsky Hospice’s building, garden and bunk-houses, the Russian hospital and the dispensary have been “assigned” to the Soviet Government; Sergievsky, Nikolaevsky and Veniaminovskiy Hospices have remained under the Palestine Society’s jurisdiction.

Н.Н. Лисовой
за работой на
Сергиевском
подворье.
2012 г.

N.N. Lisovoy
at work in
the Sergievsky
Hospice. 2012

**БОРЬБА
ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОДВОРЬЯ**

**THE STRUGGLE
TO RETURN THE HOSPICE**

25 сентября 1950 г. было издано распоряжение Совета Министров СССР за № 15175-РС о возобновлении деятельности Палестинского Общества и утверждении штатов его представительства в государстве Израиль. В марте 1951 г. в Иерусалим прибыл официальный представитель РПО М.П. Калугин, разместившийся в иерусалимской штаб-квартире Общества, в Сергиевском подворье. Офис Общества с марта 1951 г. до июня 1967 г. занимал прежнюю контору Управления ИППО: 15 помещений, общей площадью 447 кв. м в первом этаже восточного крыла здания.

В октябре 1959 г. между СССР и Израилем была достигнута договоренность начать переговоры о советском имуществе. В ходе переговоров, начавшихся в июле 1960 г., израильская делегация заявила о готовности своего правительства купить почти все объекты советской собственности в Израиле, подтвердив вполне несудебным способом право собственности СССР на все якобы «спорные» объекты.

Сергиевское подворье входило первоначально в список предложенных к продаже недвижимостей, но было исключено из списка главой советской делегации послом СССР в Израиле М. Бодровым на предпоследней стадии переговоров⁸⁹. Поэтому соглашение о продаже русского имущества от 7 октября 1964 г. его не коснулось. Помещения подворья находились и частично находятся до сих пор в аренде Министерства сельского хозяйства Израиля и Общества охраны природы.

В 1964 г. большая часть принадлежавших ИППО недвижимостей в Палестине была продана правительством Хрущева израильским властям за 4,5 млн долларов (так называемая «апельсиновая сделка»). После Шестидневной войны (июнь 1967 г.) и разрыва отношений с Израилем, советские представители, в том числе представитель РПО, покинули страну. Для Общества это имело печальный результат: оставленное представительство в Сергиевском подворье восстанавливается лишь сегодня.

Новый поворот событий на рубеже 1980–1990-х гг. был связан с восстановлением дипломатических отношений СССР с государством Израиль и изменением традиционной для советского периода внешнеполитической концепции. 25 мая 1992 г. Президиум Верховного Совета Российской Федерации принял решение восстановить историческое имя Императорского Православного Палестинского Общества и рекомендовал правительству принять необходимые меры по практическому восстановлению и возвращению ИППО его имущества и прав. 14 мая 1993 г. председатель Совета Министров — Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдин подписал следующее

Оn September 25, 1950 the Soviet Council of Ministers issued Order #15175-RS on resuming the Palestine Society's activity and approving the staff list for a representative office of the Society in the State of Israel. In March 1951, the Authorized Representative of the Russian Palestine Society Mikhail Kalugin arrived to Jerusalem. He stayed at Sergievsky Hospice — at the Society's Jerusalem headquarters. Since March 1951 until June 1967, the Society's office occupied the former premises of the Imperial Russian Palestine Society's Administration: 15 rooms, totaling 447 square metres, on the first floor of the building's east wing.

In October, 1959 an agreement was reached between the Soviet Union and Israel enabling the two states to begin negotiations on the Soviet property. During the negotiations started in June 1960, the Israeli party stated that their Government was ready to buy nearly all Soviet property located on the Israeli territory, thus *extrajudicially* confirming the Soviet Union's *property rights* in respect of all “contested” property items.

Initially, Sergievsky Hospice had been included into the list of items offered for sale, but Mikhail Bodrov, Soviet Ambassador to Israel and head of the Soviet delegation, struck it out of the list at the second to last stage of negotiations.⁸⁹ Thus, the agreement on the Russian property sale of October 7, 1964 did not affect it. However, the hospice's premises were let out for lease to the Israeli Ministry of Agriculture and Nature Conservation Society of Israel, and the said organizations still partly occupy them.

In 1964, Khrushchev's government sold the larger part of the Palestine Society's real property to the Israeli authorities for 4,5 million dollars (the so-called “orange deal”). After the Six Day War (June, 1967) and severance of relations with Israel, Soviet representatives including the Palestine Society's representative, left the country. This fact had dire consequences for the Society since the restoration of the abandoned representative office at Sergievsky Hospice has started only now.

Yet, the history took another turn in the 1980s — 1990s when diplomatic ties with Israel were restored and a new foreign policy concept, different from that the Soviet period, was adopted. On May 25, 1992 the Presidium of the Russian Federation Supreme Council decided to restore a historical name of the Imperial Orthodox Palestine Society and recommended the Government to take appropriate measures to reinstate the Society's rights and to recover its property. On May 14, 1993 Chairman of the Council of Ministers — the Russian Government — Viktor Chernomyrdin signed the following order: “To direct the Ministry of Foreign Affairs of Russia to conduct negotiations with the Israeli party, in which the State Property Committee (Goskomimushchestvo) is to

распоряжение: «Поручить МИДу России провести с участием Госкомимущества России переговоры с израильской стороной о восстановлении права собственности Российской Федерации на здание Сергиевского подворья (г. Иерусалим) и соответствующий земельный участок. По достижении договоренности оформить указанные здание и земельный участок как государственную собственность Российской Федерации, передав в соответствии с рекомендацией Президиума Верховного Совета Российской Федерации квартиру в здании Сергиевского подворья в бессрочное пользование Императорскому Православному Палестинскому Обществу».

На протяжении пятнадцати лет с того времени руководство ИППО не прекращало усилий по возвращению Сергиевского подворья и других объектов российского наследия в Святой Земле. С помощью Министерства иностранных дел проводились встречи и консультации в Правительстве, переговоры в ведомстве Генерального опекуна, Министерстве юстиции Израиля. Был выявлен и предъявлен израильской стороне полный комплект документации, подтверждающей права русской собственности на подворье. Словом, именно Палестинским Обществом тема была «разговорена».

Президент РФ В.В. Путин во время визита в Израиль в апреле 2005 г. посетил Сергиевское подворье и заявил о необходимости его возвращения в российскую собственность. Президент дал соответствующее поручение Министерству иностранных дел РФ.

... 14 июня 2007 г. состоялось торжественное собрание, посвященное 125-летию Императорского Православного Палестинского Общества. В собрании приняли участие Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, почетные члены ИППО министр иностранных дел РФ С.В. Лавров и мэр Москвы Ю.М. Лужков. На этом собрании Председателем ИППО был избран председатель Счетной палаты РФ С.В. Степашин.

«Россия всегда защищала свои интересы на международной арене и всегда помнила, что мир на Земле зависит и от ее присутствия на Православном Востоке, в Святой Земле», — таков был один из главных тезисов в выступлении нового Председателя. Прочитав слова из Послания Президента В.В. Путина Федеральному собранию о том, что «живое пространство многомиллионного “русского мира” значительно шире, чем сама Россия», С.В. Степашин сказал: «На мой взгляд, Русская Палестина — это как раз часть нашей исторической памяти, а деятельность Палестинского Общества призвана сохранить и упрочить эту память на пространстве “русского мира”».

participate, on the reinstatement of the Russian Federation's property rights to Sergievsky Hospice's building (the city of Jerusalem) and to the relevant land. Once the agreement is reached, to register the said building and land in the name of the Russian State and to transfer the apartment which is located in the Sergievsky Hospice's building to the Imperial Orthodox Palestine Society for use in perpetuity in accordance with recommendations of the Presidium of the Russian Federation Supreme Council."

Since then, for fifteen years, leaders of the Imperial Orthodox Palestine Society strove to recover Sergievsky Hospice and other tangible Russian heritage in the Holy Land. The Ministry of Foreign Affairs facilitated Government-level meetings and consultations, negotiations with the Department of Custodian General and with the Israeli Ministry of Justice. A complete package of documents had been compiled and then submitted to the Israeli party to confirm the Russian party's rights to the hospice. Thus, it was the Palestine Society that "drew out" the issue.

During his visit to Jerusalem in 2005, Russian President Vladimir Putin came to see Sergievsky Hospice and spoke about

Бывшие баня и прачечная на Сергиевском подворье

Former bathhouse and laundry of the Sergievsky Hospice

11 января 2008 г. состоялся обмен нотами между Россией и Израилем по юридической процедуре, связанной с передачей Сергиевского подворья. Вопрос обсуждался также на встрече Председателя ИППО С.В. Степашина с первым вице-премьером, министром иностранных дел Израиля Ц. Ливни в Москве 17 января 2008 г.

26 апреля 2008 г. В.В. Путин принял решение о выделении 10 млн. рублей из резервного фонда Президента Российской Федерации «на проведение ремонтных и консервационных работ» на объектах Сергиевского подворья в центре Иерусалиме. 28 декабря 2008 г. более чем полувековая борьба за возвращение Сергиевского подворья завершилась подписанием окончательного документа о перерегистрации подворья на Российскую Федерацию.

the need to reinstate Russia's property rights to it; he also appropriately instructed the Russian Ministry of Foreign Affairs.

... On June 14, 2007 a solemn meeting was held to celebrate 125th anniversary of the Imperial Orthodox Palestine Society. The meeting was attended by His Holiness Alexis II Patriarch of Moscow and All Russia and the honorary members of the Society — Sergey Lavrov, the Minister of Foreign Affairs of Russia, and Yuri Luzhkov, the Mayor of Moscow. At the meeting, Sergey Stepashin, Chairman of the Audit Chamber of Russia, was elected to the position of Chairman of the Palestine Society.

“Russia has always defended her interests in the world and always remembered that peace on Earth depends as much on her presence in the Orthodox Orient, in the Holy Land” — such was the ultimate message of the new Chairman's speech. Stepashin quoted a phrase from President Putin's address to the Federal Assembly, reminding that “the real multimillion ‘Russian world’ by far exceeds Russia's territory”, and said: “I believe that the Russian Palestine constitutes a part of our historical memory and the aim of the Palestine Society's activity is to preserve and strengthen this memory throughout the ‘Russian world’.”

On January 11, 2008 Russia and Israel exchanged notes on the legal procedure pertaining to the transfer of Sergievsky Hospice. At the Moscow meeting held on January 17, 2008, the Palestine Society's Chairman Sergey Stepashin also discussed this issue with the Israeli First Deputy Prime Minister and Minister of Foreign Affairs Tziporah Livni.

On April 26, 2008 Vladimir Putin decided to allocate 10 million roubles from the President's Reserve Fund to “conduct repair and conservation works” on the premises of Sergievsky Hospice in the center of Jerusalem. On December 28, 2008 the final document re-registering Sergievsky Hospice as the Russian Federation's property was signed, thus ending more than 50-year “battle” for the hospice.

О СОЗДАНИИ
НАУЧНО-КУЛЬТУРНОГО
И ИНФОРМАЦИОННОГО
ЦЕНТРА ИППО
НА СЕРГИЕВСКОМ ПОДВОРЬЕ

ON THE FOUNDATION
OF THE IMPERIAL ORTHODOX
PALESTINE SOCIETY'S SCIENTIFIC
AND CULTURAL CENTRE
IN SERGIEVSKY HOSPICE

Возвращение Сергиевского подворья ИППО в Иерусалиме, основы и символа российской державности, русского присутствия и влияния в регионе, ставшее итогом более чем полувековой работы МИДа, Палестинского Общества, российской общественности, является восстановлением исторической справедливости.

Событие является знаковым с точки зрения дальнейшей работы Общества на Ближнем Востоке. На протяжении почти 70-ти лет существования государства Израиль у нас нет в Иерусалиме никакого государственного, общественного, культурного центра или представительства. Знаки ИППО на фронтонах и стенах многих зданий исторического центра Иерусалима оставались доньше лишь призрачным напоминанием о былом величии и значении русского присутствия.

Сегодня нам впервые предоставлена возможность восстановить Русский Иерусалим как фактор культурной жизни и политического влияния. Сергиевское подворье может и должно стать базой расширяющейся работы России, которая вот уже 135-лет ассоциируется для всех наших друзей и партнеров на Востоке с деятельностью и учреждениями Императорского Православного Палестинского Общества.

Стратегические интересы развития отечественной науки и культуры, возвращения России подобающего ей места в мировом сообществе, решение стоящих перед страной внешнеполитических и гуманитарных задач настоятельно требуют создания необходимых структур для укрепления русского научного и культурного влияния в мире. Мы планируем, объединив опыт Палестинского Общества и современные задачи, стоящие перед Россией, создать в помещениях Сергиевского подворья «Русский Дом» — Научно-культурный и информационный центр, с отделением Русского Исторического института, с сохранившимися дореволюционными уникальной библиотекой и архивом, музеем, с научной исторической библиотекой, которую передал в дар ИППО почетный член Общества, возглавлявший его в 2003–2007 гг. член-корреспондент Российской Академии наук Я.Н. Шапов, — центр, которого у нас до сих пор нет нигде на Ближнем Востоке. Российский флаг, вновь развевающийся на угловой башне подворья, является зримым доказательством новой наступившей реальности.

Тhe property of the Imperial Orthodox Palestine Society, Sergievsky Hospice in Jerusalem is the foundation and symbol of Russia's great power statehood, of the Russian presence and influence in the region, and for over 50 years the Ministry of Foreign Affairs, the Palestine Society and the Russian people worked hard to recover it and to restore the historical truth.

As for the future work of the Society in the Middle East, it is a landmark event. The State of Israel exists for 70 years already but until now we did not have any government, public or cultural centre or mission. To this day, the Palestine Society's insignia were just visional reminders of the past glory and importance of Russian presence.

Today, for the first time, we have received an opportunity to reinstitute the Russian Jerusalem as a factor of both cultural life and political influence. Sergievsky Hospice could and should become the center of Russia's expanding activity, and for all our friends and partners in the Orient this activity for over 135 years was associated with the work and institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society.

In terms of strategic interests, the development of national science and culture, reinstitution of Russia's status in the world community, foreign policy and humanitarian challenges demand the creation of structures that will enhance Russia's scientific and cultural influence worldwide. On adapting the Palestine Society's experience to the modern challenges that Russia has to face, we plan to open on Sergievsky Hospice's premises a "Russian House" — Scientific, Cultural and Information Centre that would house a department of the Russian Historical Institute with a unique pre-revolutionary library and archive, and a scientific and historical library that has been donated to the Imperial Orthodox Palestine Society by Yaroslav Schapov, its honorary member and a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, who headed the Society from 2003 until 2007. And the Russian Flag, once again flying over the corner tower of the Hospice, is a visible proof of the new reality.

- ¹ Хитрово В.Н. Неделя в Палестине. Изд. 2. СПб., 1879. С. 15.
- ² Лисовой Н.Н. Д.Д. Смышляев: От Перми до Иерусалима // Смышляев Д.Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 251–284; Рафиенко Л.С. Культурный и общественный деятель Перми Д.Д. Смышляев и Императорское Православное Палестинское Общество // Традиции и современность. 2008. № 8. С. 112–120.
- ³ Смышляев Д.Д. Воспоминания о Востоке // Пермские Епархиальные Ведомости. 1890. №2. С. 33.
- ⁴ См. письмо Смышляева из Москвы к В.Н. Хитрово от 12 октября 1885 г.: АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 18.
- ⁵ Письмо секретаря ППО М.П. Степанова к Д.Д. Смышляеву от 31 декабря 1885 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000. Т. I. С. 479–480.
- ⁶ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 159–169.
- ⁷ Письмо Д.Д. Смышляева к В.Н. Хитрово от 9 апреля 1886 г. // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19.
- ⁸ Телеграмма Д.Д. Смышляева к М.П. Степанову от 16 марта 1886 г. // Там же.
- ⁹ Письмо Д.Д. Смышляева к В.Н. Хитрово от 9 апреля 1886 г. // Там же.
- ¹⁰ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 60б.
- ¹¹ Письмо Д.Д. Смышляева к В.Н. Хитрово от 26 марта 1886 г. // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 12.
- ¹² АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/3. Д. 1^а. Л. 146–146 об.
- ¹³ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 25. Оригинал телеграммы на французском языке.
- ¹⁴ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 26. План от руки: л. 28.
- ¹⁵ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 35.
- ¹⁶ На другой день в письме к В.Н. Хитрово Смышляев подчеркивал: «Все удивляются дешевизне» // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 42. В ретроспективном докладе, сделанном в Совете ППО 3 февраля 1887 г., Смышляев писал: «В мае 1886 г. приобрел покупкою у Мусы Соломона Таннуса участок земли, на праве полной собственности (мюльк), пространством 4 донума 1290 пик, или на русскую меру — около 1000 кв. сажен, на имя секретаря ППО Степанова, за сумму — с расходом на совершение кушана 11469 рублей» (Доклад Д.Д. Смышляева от 3 февраля 1887 г. отделению Палестинского Общества об исполнении поручений // Там же. Л. 138).
- ¹⁷ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 42. Оригинал телеграммы на французском языке. Сообщение о покупке см. также в письме к В.Н. Хитрово, помеченном тем же 14 мая (Там же. Л. 40–41).
- ¹⁸ Банк Якова Валеро — первый по времени банк, основанный в Иерусалиме (1848). Впоследствии им управлял Х.А. Валеро, сын основателя, осуществлявший финансовые операции по поручениям не только русского правительства, но и австрийского, и германского. Банк был ликвидирован в 1915 г. (Ben-Arieh Y. Jerusalem in the 19th century. Emergence of the New City. Jerusalem — N. Y., 1986. P. 379–380).
- ¹⁹ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 40–41.
- ²⁰ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 46.
- ²¹ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/3. Д. 1^а. Л. 153.
- ²² Там же. Л. 154–154 об.
- ²³ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 12 об.
- ²⁴ Письмо секретаря ППО М.П. Степанова к Д.Д. Смышляеву от 4 августа 1886 г.
- ²⁵ Телеграмма Д.Д. Смышляева М.П. Степанову от 18 сентября 1886 г. // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19.
- ²⁶ «Первый камень новой постройки на приобретенном участке торжественно положен сегодня». (Телеграмма консула Д.Н. Бухарова, архимандрита Антонина (Капустина) и Д.Д. Смышляева на имя Председателя Православного Палестинского Общества, великого князя Сергея Александровича от 29 октября (10 ноября) 1886 г. // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 100).
- ²⁷ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1886 г. Библиотека ИППО, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/23. С. 190.
- ²⁸ Доклад Д.Д. Смышляева от 3 февраля 1887 г. отделению Палестинского Общества об исполнении поручений // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 19. Л. 138 и сл.
- ²⁹ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 20. Л. 64–65.
- ³⁰ Письмо Д.Д. Смышляева к М.П. Степанову от 5 августа 1887 г. // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 20. Л. 132. Подлинный сенед-тугралы (акт о владении, скрепленный султанской тугрой) находится в том же архиве: АВП РИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3359. Л. 167.
- ³¹ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I С. 420
- ³² Текст доклада: АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 21. Л. 110–117.
- ³³ Журнал заседания Совета ППО № 49. СПб., 7 января 1888 г. // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/3. Д. 1^а. Л. 188–189.
- ³⁴ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 54.
- ³⁵ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 23. Л. 75.
- ³⁶ Письмо заместителя Уполномоченного ИППО в Иерусалиме Н.Г. Михайлова секретарю ИППО М.П. Степанову от 12 декабря 1888 г. // Там же. Л. 91.
- ³⁷ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 143.
- ³⁸ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 24. Л. 116.

- ¹ Khitrovo, Vasily. A Week in Palestine. 2nd ed. St. Petersburg, 1879; p. 15.
- ² Lisovoy, Nikolai. Dmitry Smyshlyaev: From Perm to Jerusalem // Smyshlyaev, Dmitry: Sinai and Palestine. From Travel Notes of 1865. M., 2008; pp. 251–284; Rafienko, Ludmila. Dmitry Smyshlyaev, Perm's Cultural and Public Figure, and the Imperial Orthodox Palestine Society // Traditions and the Modern Age. 2008. # 8, pp. 112–120.
- ³ Smyshlyaev, Dmitry. The Memories of Orient // Perm's Diocesan Bulletin. 1890. #2, p. 33.
- ⁴ See Smyshlyaev's letter to Vasily Khitrovo sent from Moscow, dated October 12, 1885: Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 18.
- ⁵ The letter of the Palestine Society's Secretary Mikhail Stepanov to Dmitry Smyshlyaev, dated December 31, 1885 // Russia in the Holy Land. Documents and Materials. M., 2000. Vol. I, pp. 479–480.
- ⁶ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheets 159–169.
- ⁷ Smyshlyaev's letter to Vasily Khitrovo, dated April 9, 1886. // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19.
- ⁸ Smyshlyaev's telegram to Mikhail Stepanov dated March 16, 1886. // Ibid.
- ⁹ Smyshlyaev's letter to Vasily Khitrovo, dated April 9, 1886. // Ibid.
- ¹⁰ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 60b.
- ¹¹ Smyshlyaev's letter to Vasily Khitrovo dated March 26, 1886. // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 12.
- ¹² AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/3. Doc. 1^a. Sheets 146–146 rev.
- ¹³ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 25. The telegram's original in French.
- ¹⁴ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 26. A hand-drawn layout: Sheet 28.
- ¹⁵ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 35.
- ¹⁶ The next day, in his letter to Vasily Khitrovo, Smyshlyaev stressed: "The low cost comes as a surprise to everyone." // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 42. In his ex post report submitted to the Palestine Society's Board on February 3, 1887, Smyshlyaev wrote: "In May 1886, I bought a plot of land as a property (myulk) from Mousa Solomon Tannus; its size is 4 donums 1,290 pics which in Russian measures approximates to 1,000 square sazhen; the said land is registered in the name of Palestine Society's Secretary Stepanov; the cost of land, including kushan, is 11,469 roubles." (Dmitry Smyshlyaev's Report to the Palestine Society's Department on the Execution of Commission dated February 3, 1887 // Ibid. Sheet 138).
- ¹⁷ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 42. The telegram's original in French. For notification on the purchase see also the letter to Vasily Khitrovo, also dated May 14 (Ibid. Sheets 40–41).
- ¹⁸ Yakov Valero's Bank is the first bank founded in Jerusalem (1848). Later, the founder's son, Khaim Valero, ran the bank. He executed financial operations on behalf of Russian as well as Austrian and German governments. The bank was liquidated in 1915 (Ben-Arieh Y. Jerusalem in the 19th Century. Emergence of the New City. Jerusalem — N. Y., 1986. P. 379–380).
- ¹⁹ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheets 40–41.
- ²⁰ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 46.
- ²¹ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/3. Doc. 1^a. Sheet 153.
- ²² Ibid. Sheets 154–154 rev.
- ²³ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 12 rev.
- ²⁴ The Palestine Society's Secretary Mikhail Stepanov's letter to Dmitry Smyshlyaev dated August 4, 1886.
- ²⁵ Smyshlyaev's telegram to Mikhail Stepanov dated September 18, 1886. // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19.
- ²⁶ "Today, the new building's foundation stone has been ceremonially laid on the purchased site." (A telegram sent by the Russian Consul Dmitry Bukharov, Archimandrite Antonine (Kapustin) and Dmitry Smyshlyaev to Grand Duke Sergey Alexandrovich, Chairman of the Orthodox Palestine Society, dated October 29 (November 10) 1886. // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 100).
- ²⁷ Antonine (Kapustin), the Archimandrite. The Diary for 1886. IPO Library, code: I.P.P.O. B. IV. #853/23. P. 190.
- ²⁸ Dmitry Smyshlyaev's Report to the Palestine Society's Department on the Execution of Commission dated February 3, 1887 // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 19. Sheet 138 and the next one.
- ²⁹ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 20. Sheets 64–65.
- ³⁰ Dmitry Smyshlyaev's letter to Mikhail Stepanov dated August 5 1887. // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 20. Sheet 132. The original sened-tugraly (act of dominion sealed with the Sultan's tugra) is kept in the same archive: AVPRI. F. The Embassy in Constantinople. Inv. 517/2. Doc. 3359. Sheet 167.
- ³¹ Russia in the Holy Land. Documents and Materials. Vol. 1, p. 420.
- ³² The Report's text: AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 21. Sheets 110–117.
- ³³ The Minutes of the Palestine Society's Board Meeting, #49. St. Petersburg, January 7, 1888. // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/3. Doc^a. Sheets 188–189.
- ³⁴ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 22. Sheet 54.
- ³⁵ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 23. Sheet 75.
- ³⁶ The letter sent by Nikolai Mikhailov, the Deputy Representative of the Palestine Society in Jerusalem, to Mikhail Stepanov, the Palestine Society's Secretary, dated December 12, 1888. // Ibid. Sheet 91.
- ³⁷ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 22. Sheet 143.
- ³⁸ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 24. Sheet 116.

- ³⁹ Телеграмма Н.Г. Михайлова в Петербург В.Н. Хитрово от 26 августа 1889 г. // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 227.
- ⁴⁰ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 227. Л. 10–11об.
- ⁴¹ Домовая книга подворья Общества в Иерусалиме. № 1. С октября 23 дня 1889 г. Л. 1.
- ⁴² Суворин А.А. Палестина. Илл. А.Д. Кившенко и В.И. Навозова. СПб., 1898. Репринт: М. 2008.
- ⁴³ Подробнее о маршруте и научных результатах экспедиции: Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М. 1898. С. 204–207.
- ⁴⁴ Михаил (Грибановский), епископ. Письма к А. Ф. от 5 мая 1893 г. // Михаил (Грибановский), епископ. Письма к разным лицам // Таврический церковно-общественный вестник. 1910–1911.
- ⁴⁵ Паспортная <книга> Нового (Сергиевского) подворья. За 1898/99 г. Запись № 151. Художник жил на подворье с 30 июня по 28 июля 1898 г.
- ⁴⁶ На оборотной стороне образа дарственная надпись художника: «Сей образ *Несение креста*, написанный мною в Иерусалиме, приношу в дар Иерусалимской русской церкви «На раскопках». Желал бы, чтобы образ был заделан под стекло и помещен на левой стороне при пороге Ворот (не высоко). Прошу на литургиях помянуть имена моих родителей Евфимия и Татианы. И. Репин. 1898 июль 27».
- ⁴⁷ Журналы заседаний Совета ИППО за 1899 г., №№ 146–151 // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/3. Д. 160. Л. 14.
- ⁴⁸ Арсений (Стадницкий), епископ. В стране священных воспоминаний. Сергиев Посад, 1902.
- ⁴⁹ АВП РИ. Ф. Греческий стол. Оп. 497. Д. 2421. Ч. 1. Л. 231; Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. С. 279.
- ⁵⁰ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 108.
- ⁵¹ Михайлов Николай Григорьевич — помощник уполномоченного ИППО в Палестине с 1889 г. Уполномоченный (1890–1897), управляющий Русскими подворьями (1897–1910).
- ⁵² АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 97об.-98.
- ⁵³ Там же. Л. 105об.-106.
- ⁵⁴ Там же. Л. 108.
- ⁵⁵ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/11. Д. 4. Л. 3об.
- ⁵⁶ Чистяков А.Ф. Вопрос о наследии в Святой Земле (к предыстории возвращения Сергиевского подворья) // Православный Палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 59–74.
- ⁵⁷ Доклад инспектора Палестинских учебных заведений и управляющего подворьями П.И. Рязского вице-председателя ИППО князю А.А. Ширинскому-Шихматову. Пг. 9 июня 1915 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. С. 306.
- ⁵⁸ [Рязский П.И.] Вопросы, связанные с восстановлением деятельности Императорского Православного Палестинского общества в Святой Земле по окончании войны с Турцией. На правах рукописи. С грифом: Доверительно. Пг., 1915. См. подробнее: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. 2006. С. 364–381.
- ⁵⁹ Полный текст мандата см.: Stoyanovsky J. The mandate for Palestine: a contribution to the theory and practice of international mandates. Lnd-N.-Y. 1928. P. 355–362.
- ⁶⁰ Баталден Ст. К. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Православный Палестинский сборник. Вып. 31 (94). М., 1992. С. 26.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Т. 7. Нью-Йорк. С. 43.
- ⁶³ Нота представителя РСФСР в Лондоне Красина министру иностранных дел Великобритании Керзону // Известия, № 137, 22 июня 1923 г.
- ⁶⁴ Нота Посольства СССР в Великобритании от 5 марта 1945 г. Приложение: Список русского имущества в Палестине // АВП РФ. Оп. 36. П. 117. Д. 10. Л. 1–5.
- ⁶⁵ Записка заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР С.И. Кавтарадзе Народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову, от 31 марта 1945 г. // АВП РФ. Ф. 0118. Оп. 8. П. 4. Д. 2. Л. 9–10. Цит. по: Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. 1941–1953 гг. Кн. 1. 1941–май 1949. М., 1999. С. 112–113.
- ⁶⁶ Сохранился подписанный и скрепленный печатью В.А. Самарским 20 мая 1948 г. «Список лиц, получающих денежное пособие от Православного Палестинского Общества, с указанием величины такового». По положению денежное вознаграждение получали управляющий имуществом РДМ и ППО (очевидно, Антипов), помощник управляющего, секретарь управления (Самарский), врач управления русскими имуществами, сторож, уборщица, надзирательницы подворья, населенного призреваемыми престарелыми русскими женщинами, и сиделка для ухода за лежачими больными. Кроме того, в списке содержатся имена 89 престарелых русских паломниц, оставшихся все эти годы в Иерусалиме и много сделавших для сохранения российского достояния. Среди немногих мужских имен — игумен Серафим (Кузнецов), тот самый, кто сопровождал мощи св. преподобномученицы Елизаветы Феодоровны от Алапаевска до Иерусалима, получавший от Палестинского Общества денежное пособие в размере 3 тыс. палестинских фунтов.
- ³⁹ Nikolai Mikhailov's telegram to Vasily Khitrovo dated August 26, 1889. // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 227.
- ⁴⁰ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 227. Sheets 10–11 rev.
- ⁴¹ The House Register of the Palestine Society's Hospice in Jerusalem. #1. As of October 23, 1889. Sheet 1.
- ⁴² Suvorin, Alexei. Palestine. Illustrated by A. Kivshenko and V. Navozov. St. Petersburg, 1898. Reprinted: M. 2008.
- ⁴³ For more details on the route and scientific findings of the expedition see: Belyaev, Leonid. Christian Antiquities. Introduction to Comparative Studies. M. 1898; pp. 204–207.
- ⁴⁴ Mikhail (Gribanovsky), a Bishop. Letters to A.F. dated May 5, 1893. // Mikhail (Gribanovsky), a Bishop. Collection of Letters. // Taurida Ecclesial and Public Bulletin. 1910–1911.
- ⁴⁵ The New (Sergievsky) Hospice's Tenants <Register> for 1898–99. Record #151. The artist stayed at the hospice from June 30 until July 28, 1898.
- ⁴⁶ On the back of the icon the author made a presentation inscription: “This icon ‘Carrying of the Cross’, which I have painted in Jerusalem, I donate to the Jerusalem Russian Church ‘on the Excavation Site’. I would like this icon to be cased in glass and put on the wall to the left of the Gate's Threshold (not high), and I request prayers for my parents, Evfimy and Tatiana, at the liturgies. I. Repin. July 27, 1898.”
- ⁴⁷ Minutes of the Palestine Society's Board meetings for 1899, ##146–151. // AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/3. Doc. 160. Sheet 14.
- ⁴⁸ Arseny (Stadnitsky), a Bishop. In the Land of Holy Memories. Sergiev Posad, 1902.
- ⁴⁹ AVPRI. F. The Greek Desk. Inv. 497. Doc. 2421. Part. 1. Sheet 231; Russia in the Holy Land. Documents and Materials. Vol. I, p. 279.
- ⁵⁰ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 540. Sheet 108.
- ⁵¹ Mikhailov Nikolai Grigorievich — an assistant to the representative of the Imperial Orthodox Palestine Society in Palestine from 1889. The Society's Representative (1890–1897), Administrator of the Russian Hospices (1897–1910).
- ⁵² AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/1. Doc. 540. Sheets 97 rev.-98.
- ⁵³ Ibid. Sheets 105 rev.-106.
- ⁵⁴ Ibid. Sheet 108.
- ⁵⁵ AVPRI. F. RIPPO. Inv. 873/11. Doc. 4. Sheet 3 rev.
- ⁵⁶ See Alexei Chistyakov's article in the present collection.
- ⁵⁷ The Report by Pavel Ryazhsky, Supervisor of Palestine Educational Institutions and Administrator of Hospices, to the Vice Chairman of the Imperial Orthodox Palestine Society Prince Alexei Shirinsky-Shikhmatov. Petrograd, June 9, 1915. // Russia in the Holy Land: Documents and Materials. Vol. I, p. 306.
- ⁵⁸ [Ryazhsky, Pavel] On the issues pertaining to the renewal of the Imperial Orthodox Palestine Society's activities in the Holy Land after the end of the war with Turkey. Not intended for publication. Classified. Petrograd, 1915. For details see: Lisovoy, Nikolai. Russian Ecclesiastical and Political Presence in the Holy Land and in the Middle East in the 19th — the early 20th Century. M. 2006; pp. 364–381.
- ⁵⁹ For the Mandate's full text see: Stoyanovsky J. The mandate for Palestine: a contribution to the theory and practice of international mandates. Lnd-N.-Y. 1928. P. 355–362.
- ⁶⁰ Batalden, Stephen. The Fate of Russian Lands in Jerusalem during the British Mandate Period. // The Orthodox Palestine Collection. Issue. 31 (94). M., 1992; p. 26.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Nikon (Rklitsky), the Archbishop. Life of the Blessed Metropolitan Antony (Khrapovitsky). Vol. 7. New-York; p. 43.
- ⁶³ A note by the RSFSR Envoy in London Leonid Krasin to the British Foreign Minister Curzon. // Izvestia, #137, June 22, 1923.
- ⁶⁴ A note by the Soviet Embassy in the U.K., dated March 5, 1945. An appendix to the note: The List of Russian Property in Palestine. // AVP RF. Inv. 36. Shelf 117. Doc. 10. Sheets 1–5.
- ⁶⁵ A notice by the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR Sergey Kavtaradze to the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR Vyacheslav Molotov, dated March 31, 1945. // AVP RF. F. 0118. Inv. 8. Shelf 4. Doc. 2. Sheets 9–10. Quoted from: The Soviet-Israeli Relations. Collected Documents. Vol. 1. 1941–1953. Book 1. 1941 — May 1949. M., 1999; pp. 112–113.
- ⁶⁶ A document has survived which is entitled “The List of Persons Entitled to Payments from the Orthodox Palestine Society, with the Size of the Said Payments Specified”. The list was signed and sealed by V. Samarsky on May 20, 1948. According to regulations, the persons entitled to payment included: the Administrator of Properties of the Russian Ecclesiastical Mission and of the Palestine Society (apparently, Antipov); the Deputy Administrator and Secretary of the Administration (Samarsky); the Administration of Russian Properties medical officer; a warden; a cleaning lady; ladies responsible for supervising the hospice populated by poor elderly Russian female pilgrims; and a nurse to care for bed patients. Also, added to the list were names of 89 elderly Russian female pilgrims who all those years stayed in Jerusalem and did much to preserve the Russian heritage. Among a few male names mentioned, there is hegumen Serafim (Kuznetsov) — he was the one to accompany the martyr Elizaveta Feodorovna's relics from Alapayevsk to Jerusalem. Hegumen Serafim received from the Palestine Society a monetary allowance amounting to 3,000 Palestinian pounds.

- ⁶⁷ Письмо полковника В.А. Самарского посланнику СССР в Сирии и Ливане. Иерусалим, 11 мая 1948 г. // Государственный архив Израиля: ISA/RC 132.0/P/841/5.
- ⁶⁸ Телеграмма министра иностранных дел СССР В.М. Молотова министру иностранных дел Израиля М. Шертоку // Советско-израильские отношения. Сб. документов. Т. 1. 1941–1953. Кн. 2. Май 1949–1953. М., 2000. С. 305.
- ⁶⁹ Там же. С. 308.
- ⁷⁰ Письмо полковника В.А. Самарского полномочному представителю СССР в Палестине. Иерусалим, 25 мая 1948 г. // Государственный архив Израиля: ISA/RC 132.0/P/841/5.
- ⁷¹ Самарский имел в виду Рабиновича.
- ⁷² Письмо полковника В.А. Самарского уполномоченному по делам русских имуществ в Палестине [И.Л. Рабиновичу]. Иерусалим, 10 июня 1948 г. // Государственный архив Израиля: ISA/RC 132.0/P/841/5.
- ⁷³ Докладная записка секретаря Управления подворьями ППО в Иерусалиме, полковника В.А. Самарского Еврейскому Агентству в Иерусалиме (г. Уполномоченному по делам Русских имуществ в Палестине). Иерусалим, 20 июня 1948 г. // Там же.
- ⁷⁴ Докладная записка секретаря Управления подворьями ППО в Иерусалиме, полковника В.А. Самарского начальнику Центральной полиции г. Рабиновичу. Иерусалим, 1 июля 1948 г. // Там же.
- ⁷⁵ Докладная записка секретаря Управления подворьями ППО в Иерусалиме, полковника В.А. Самарского Еврейскому Агентству в Иерусалиме (г. Уполномоченному по делам Русских имуществ в Палестине). Иерусалим, 5 июля 1948 г. // Там же.
- ⁷⁶ Обращение секретаря Управления подворьями ППО в Иерусалиме, полковника В.А. Самарского «Полномочному представителю Союза Социалистических Советских Республик (sic!) в Палестине». Иерусалим, 17 августа 1948 г. // Там же.
- ⁷⁷ Запись беседы посланника СССР в Израйля П.И. Ершова с уполномоченным Еврейского Агентства по делам русского имущества в Иерусалиме И. Рабиновича, от 13 сентября 1948 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов / Под ред. Б.Л. Колоколова, Э. Бенцура и др. Т. 1. 1941–1953. Кн. 1. 1941–май 1949. М., 2000. С. 367–368.
- ⁷⁸ Письмо заместителя Министра иностранных дел СССР В.А. Зорина председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карпову, от 10 сентября 1948 г. // Там же. С. 361.
- ⁷⁹ Круглов Алексей Федорович, генеральный консул в Иерусалиме в 1908–1914 гг., вернулся после революции в Палестину и жил с супругой на Александровском подворье.
- ⁸⁰ Прохоров, 1949: К вопросу приобретения недвижимого имущества в Палестине, Сирии и Ливане. Справка МИД СССР. Москва, 3 февраля 1949 г. Подписано: “Зав. отделом заграничных Управления делами / Прохоров”. Цит. по копии, имеющейся в архиве ИППО в Москве. Опубликован по той же копии: Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. М., 1999. С. 415–438.
- ⁸¹ Запись беседы директора Восточноевропейского департамента МИД Израйля Ш. Фридмана с временным поверенным в делах СССР в Израйле М.И. Мухиным // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. С. 6.
- ⁸² Отчет атташе миссии СССР в Израйле А.С. Семиошкина о поездке в Назарет и Тиверию. 8 августа 1949 г. // Там же. С. 58.
- ⁸³ Запись беседы заместителя заведующего Отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР А.Д. Щиборина с временным поверенным в делах Израйля в СССР А. Левави // Там же. С. 113–114.
- ⁸⁴ Из справки «Отношение СССР к государству Израиль со времени обсуждения палестинского вопроса в ООН». Секретно. 19 апреля 1950 г. // Там же. С. 164.
- ⁸⁵ Мы говорили выше о том, что со времени Британского мандата почти все объекты российской собственности находились в принудительной «аренде», независимой от воли их исторических владельцев (Баталден Ст. К. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Православный Палестинский сборник. Вып. 31 (94). М., 1992).
- ⁸⁶ Телеграмма посланника СССР в Израйле П.И. Ершова в МИД СССР от 24 февраля 1952 г. // Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. С. 336.
- ⁸⁷ Там же. С. 347.
- ⁸⁸ Нота МИД Израйля миссии СССР в Израйле от 29 апреля 1952 г. // Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. С. 350–352.
- ⁸⁹ Протокол заседания по делу переговоров с правительством России о продаже русской собственности в Иерусалиме. Канцелярия Генерального Опекуна в Иерусалиме, 30 октября 1963 г. (Копия в архиве ИППО).

- ⁶⁷ Colonel V. Samarsky's letter to the Soviet Envoy in Syria and Lebanon. Jerusalem, May 11, 1948. A copy. IPPO Archive. The author would like to thank R. Culyaev for providing the materials.
- ⁶⁸ A telegram sent by the Soviet Minister of Foreign Affairs Vyacheslav Molotov to the Israeli Foreign Minister Moshe Shertok (Sharet). // The Soviet-Israeli Relations. Collected Documents. Vol. I. 1941–1953. Book 2. May 1949 — 1953. M., 2000; p. 305.
- ⁶⁹ Ibid., p. 308.
- ⁷⁰ Colonel V. Samarsky's letter to the Soviet Envoy Plenipotentiary in Palestine. Jerusalem, May 25, 1948. A copy. IPPO Archive.
- ⁷¹ Samarsky referred to Rabinovich.
- ⁷² Colonel V. Samarsky's letter to the Authorized Representative for the Russian Properties in Palestine [I. Rabinovich]. Jerusalem, June 10, 1948. A copy. IPPO Archive.
- ⁷³ A memorandum report by the Secretary of the Administration of the Palestine Society's Hospices in Jerusalem, Colonel V. Samarsky, to the Jewish Agency in Jerusalem (addressed to the Authorized Representative for the Russian Properties in Palestine). Jerusalem, June 20, 1948. A copy. IPPO Archive.
- ⁷⁴ A memorandum report by the Secretary of the Administration of the Palestine Society's Hospices in Jerusalem, Colonel V. Samarsky, to the Chief of the Central Police Mr. Rabinovich. Jerusalem, July 1, 1948. A copy. IPPO Archive.
- ⁷⁵ A memorandum report by the Secretary of the Administration of the Palestine Society's Hospices in Jerusalem, Colonel V. Samarsky, to the Jewish Agency in Jerusalem (addressed to the Authorized Representative for the Russian Properties in Palestine). Jerusalem, July 5, 1948. A copy. IPPO Archive.
- ⁷⁶ An address by the Secretary of the Administration of the Palestine Society's Hospices in Jerusalem, Colonel V. Samarsky, to the “Envoy Plenipotentiary of the Union of the Soviet Socialist Republics (sic!) in Palestine”. Jerusalem, August 17, 1948. A copy. IPPO Archive.
- ⁷⁷ A record of the conversation between the Soviet Envoy to Israel Pavel Yershov and the Jewish Agency's Representative for Russian Properties in Jerusalem I. Rabinovich, dated September 13, 1948. // The Soviet-Israeli Relations. Collected Documents. / Edited by: B. Kolokolov, E. Benzur et al. Vol. I. 1941–1953. Book I. 1941 — May 1949. M., 2000; pp. 367–368.
- ⁷⁸ A letter sent by Valerian Zorin, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Soviet Union, to the Chairman of the Committee on the Russian Orthodox Church's Affairs of the USSR Council of Ministers Georgiy Karpov, dated September 10, 1948. // Ibid., p. 361.
- ⁷⁹ Kruglov Alexei Feodorovich, Consul General in Jerusalem in 1908–1914; after the Russian revolution he returned to Palestine. Kruglov and his wife resided at Alexandrovsky Hospice.
- ⁸⁰ Prokhorov, 1949: On the Purchases of Real Property in Palestine, Syria, and Lebanon. An official document of the Ministry of Foreign Affairs of the Soviet Union. Moscow, February 3, 1949. Signed by: “Head of the Division of Property Located Abroad / Prokhorov/.” Quoted from the copy preserved in the Moscow Archive of the Imperial Orthodox Palestine Society. Published based on the same copy: Sirotkin, Vladlen. Russia's Gold Abroad. M., 1999; pp. 415–438.
- ⁸¹ A record of the conversation between the Head of the East European Department of Israeli Foreign Ministry Sh. Friedman and M. Mukhin, temporary Chargé d'Affaires of the USSR in Israel. // The Soviet-Israeli Relations. Collected Documents. Vol. I. Book 2, p. 6.
- ⁸² A report by the Attache of the Soviet Mission in Israel Alexander Semioshkin on the trip to Nazareth and Tverya dated August 8, 1949. // Ibid., p. 58.
- ⁸³ A record of the conversation between the Deputy Head of the Department of Middle and Near East of the USSR Ministry of Foreign Affairs Alexei Schiborin and temporary Chargé d'Affaires of Israel in the Soviet Union Arie Levavi. // Ibid., pp. 113–114.
- ⁸⁴ From the official document entitled: “The Soviet Union's Relations with the State of Israel after the UN Discussion of the Palestinian Question.” Classified. April 19, 1950. // Ibid., p. 164.
- ⁸⁵ We have already mentioned above that as of the British Mandate period, nearly all Russian properties were “rented” compulsorily, irrespective of their historical owners' will (Batalden, Stephen. The Fate of Russian Lands in Jerusalem during the British Mandate Period. // The Orthodox Palestine Collection. Issue. 31 (94). M., 1992).
- ⁸⁶ A telegram sent by the Soviet Envoy to Israel Pavel Yershov to the USSR Ministry of Foreign Affairs dated February 24, 1952. // The Soviet-Israeli Relations. Vol. I. Book 2, p. 336.
- ⁸⁷ Ibid., p. 347.
- ⁸⁸ A note of the Israeli Foreign Ministry to the Soviet Mission in Israel dated April 29, 1952. // The Soviet-Israeli Relations. Vol. I. Book 2, p. 350–352.
- ⁸⁹ Minutes of the meeting pertaining to the negotiations with the Russian Government on the sale of Russian property in Jerusalem. Office of the Custodian General in Jerusalem, dated October 30, 1963 (a copy from IPPO Archive).

УДК 291.37

Л 63

Н.Н. Лисовой

**СЕРГИЕВСКОЕ ПОДВОРЬЕ.
СУДЬБА, ИСТОРИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ. —**
М.: Индрик, 2017. — 160 с., ил.

ISBN 978-5-91674-450-7

Куратор проекта *И. Ашурбейли*

Ответственный редактор *Р.Б. Бутова*

Перевод на английский язык *О. Чумичева*

Дизайн-макет *А. Старчеус*

В книге использованы фотографии
из коллекции Государственного музея
истории религии.
Современные фотографии
предоставлены К.А. Вахом, Р.Б. Бутовой
и диаконом Романом Гульяевым

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
10,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Август Борг»

ИНДРИК
МОСКВА 2017

© Текст, Н.Н. Лисовой, 2017
© Оформление,
Издательство «Индрик», 2017